

РОЙ

ОЛЕГ

ИМИТАТОР

ОПРАВДАНИЕ НЕВИНОВНЫХ

УЛИКИ – БЕССПОРНЫ.

ПРИГОВОРЫ ДАВНО ПРИВЕДЕНЫ В ИСПОЛНЕНИЕ.

ВЕРИТЬ СИСТЕМЕ – ИЛИ ЧУТЬЮ?

Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя

Олег Рой

**Имитатор. Книга третья.
Оправдание невиновных**

«ЭКСМО»

2020

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

Рой О. Ю.

Имитатор. Книга третья. Оправдание невиновных / О. Ю. Рой —
«Эксмо», 2020 — (Капризы и странности судьбы. Романы О. Роя)

ISBN 978-5-04-185315-0

Арина все больше проникается неприязнью к главному герою ток-шоу, где она выступила как участница. Шестое чувство подсказывает ей, что смерть маленького Вити Кашеева и смерть бизнесмена из дела Шубина – еще не разгаданные загадки.

УДК 82-31
ББК 84(4Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-185315-0

© Рой О. Ю., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	6
Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Олег Рой

Оправдание невиновных

В тексте упоминаются социальные сети Facebook и/или Instagram (организации, запрещённые на территории РФ).

Meta Platforms Inc. признана экстремистской организацией на территории РФ.

© Олег Рой, 2023

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

* * *

*Любые совпадения с реальными людьми и событиями
абсолютно случайны.*

Автор

Пролог

Файл: bezimeni

Создан: 01:01 01.01.01

Изменен: 21:17 17.02.16

Господа профайлеры говорят, что интерес к смерти – к ее способам и орудиям, к мертвым телам и тому, что с ними происходит потом – так вот, господа, именующие себя специалистами по психологии и психопатологии преступников, утверждают, что подобные интересы свидетельствуют о душевном нездоровье. Это, дескать, психопатия. Ну-ну.

Смешно.

Скажите это бойцам спецназа, скажите это патологоанатомам и антропологам. А потом очень быстро убегайте. Потому что они, разумеется, не психопаты, но вспылить могут. Как не вспылить, если какой-то дурак поливает грязью дело твоей жизни.

Так что нет, я не психопат. Моему душевному здоровью можно позавидовать.

Вокруг серийных убийц вообще мифов куда больше, чем правды. Якобы убийцы вырастают из несчастных малышей, которые взрослым насилием мстят миру за то, что пережили в детстве. До сих пор пытаются пристегнуть к серийным убийствам триаду Макдональда, хотя ее почти сразу после «изобретения» перестали причислять к криминальным предикторам. Но в скудных умишках господ, если так можно выразиться, психологов это, должно быть, выглядит очень логично: над ребенком издеваются, он начинает мочиться в постель, а потом, стремясь хоть где-то хоть что-то контролировать, принимается что-нибудь поджигать и мучить животных. Ну а после – убивать себе подобных. Очень, очень логично.

Человек, господа психологи, устроен несколько сложнее.

Спору нет, среди серийных убийц хватает и психопатов, и шизофреников, и много кого еще. Ненормальных, в общем. Но их хватает везде – среди филателистов, реконструкторов, поклонников йоги, вегетарианцев или геймеров. Но это же не означает, что занятия йогой или собирание марок – маркер съехавшей крыши. Так что не надо обобщать.

Надо мной не издевались в детстве, мне не приходилось просыпаться на мокрых простынях, мной не владеет неодолимая тяга к поджогам, и мне бы и в голову не пришло мучить животных. Я и людей не мучаю – какой в том смысл?

Я никому и ничего не доказываю, тем более не мшу за детские страдания. Я просто охочусь. Мне нравится охотиться. Вот и все.

Вы же не зачисляете в психопаты тех, кто берет ружье и идет стрелять уток, оленей, слонов или зайцев? Так с какой стати считать ненормальным того, в чьем воображаемом прицеле – не кабан, не медведь, а человек? О да, разница есть, но она лишь в том, что человек – самая хитрая, самая социально защищенная и потому самая интересная дичь. Охота на тех, кого принято называть братьями нашими меньшими, как ни крути, однообразна. Повадки одного кабана не особенно отличаются от повадок другого, поэтому и приемы охоты одни и те же. Скучно, господа. Человек – совсем другое дело. Каждая Охота – это уникальная головоломка. Поиски особенной, только для этой дичи подходящей приманки, особенного, только для этой дичи подходящего орудия или места для засады. Ничего более увлекательного я не знаю.

Просто Судьба крутит свое колесо – и его стрелка показывает на очередную цель.

Судьба.

Поэтому не задавайте глупого вопроса: жалко ли мне тех, кто оказывается в воображаемом перекрестье моего воображаемого прицела? С какой стати мне должно быть их жалко?

Умирают все. И не надо говорить про безвременную кончину. Смерть – она одна. Она не бывает безвременной. Она всегда приходит... ну... тогда, когда приходит. И если кто-то стал

моей целью – значит, так распорядилась Судьба. Мое дело – исполнить ее решение. И получить удовольствие, разумеется.

Часть первая

Несчастный случай

* * *

Телеграмеры на совесть постарались, чтобы сделать героя программы посимпатичнее. Но Арине почему-то сразу представилась комната для допросов в СИЗО: жесткий стул, безжалостный свет и – по другую сторону привинченного к полу стола – этот вот... персонаж.

Из-за света, вероятно. Он в студии был еще безжалостнее, чем в допросной. Спина под одолженным у коллег форменным кителем уже ощутимо взмокла и даже чесалась. Как телевизионщики это выдерживают?

Ведущему вон все нипочем, даже лоб не блестит. Улыбается с радушием акулы-людоеда, вопросы задает с такой подкупающей задушевностью, словно тетушку-миллионершу, прибывшую из дальних краев, встречает. Таким голосом обычно разговаривают продавцы чудо-добавок и улыбчивые зазывалы квазирелигиозных сект. Да что говорить – Арина и сама иногда на допросах пользовалась таким вот задушевым тоном. Правда, дозировала его куда более скупой, чем этот лощеный господин в центре студии. Звали господина не то Вадим, не то Руслан.

Она сосредоточила все внимание на том, чтоб не зевнуть, боже упаси, не почесать рефлекторно нос, не сгорбиться – кто знает, когда спецу, который решает, картинку с какой именно из камер дать в прямой, черт бы их побрал, эфир, вздумается разбавить видеоряд Ариной физиономией. А госпожа следовательно в этот момент как раз нос чешет – вот красота-то!

Хотя какая разница, как она будет выглядеть в этом дурацком ток-шоу – уж не дурнее прочих. Хотя «не дурнее» – маловато, надо чтоб прилично, чтоб честь мундира не посрамить... ох! Ну вот какого черта она тут красуется? Представитель следствия! Да еще и оттуда же, где произошел этот самый «Несчастный случай?» – так именовалась программа. «Ненавижу Москву», – сердито думала Арина. Ну какая им разница, для них же что Краснодар, что Красноярск – один леший. А уж Сыктывкар, Саратов и Салехард и вовсе – один и тот же город. Но кто-то из помрежей решил, видимо, добавить правдоподобия, а Ева и рада стараться:

– Ну Вершина, ну Ариночка! Ну и что, что ты в отпуске, ты ж через Москву поедешь, что тебе стоит в программе поучаствовать? Да я бы, если бы мне предложили, пешком бы побежала! Но я ж не следователь, я ж завканцелярией, кто меня позовет.

– А ничего, что все случилось еще до меня?

– Ой, подумаешь! Зато подследственность наша была. Я тебе все материалы пришлю, поглядишь, там немного. И Пал Шайдарович обрадуется.

Да уж, полковнику юстиции Пахомову только и дел, что радоваться на Арину в телевизоре.

Материалов было и впрямь немного. Дядька, видевшийся Арине в сизовской допросной, носил удивительно подходившую ему фамилию Кашеев и по делу проходил как потерпевший. Его молодая жена, отправившись гулять с малолетним сынишкой, заглянула в гости к своему приятелю – или, по версии Кашеева, любовнику. Выпили, то, се, время текло незаметно... Когда отправившийся разыскивать супругу муж ворвался в дом «приятеля», и тот, и кашеевская жена валялись по углам мертвецки спящие. А в холодной печурке лежало тельце маленького Вити.

Та самая молодая жена, Соня, когда ее впустили в студию, села на тот же диванчик, центр которого занимал герой программы, но не рядом, а чуть поодаль, на расстоянии руки. Словно боялась его, что ли? Но разве такие – бояться? Чуть не вдвое моложе своего сухопарого сурового

супруга, пышная, фигуристая, эффектная, с крупными, четко очерченными губами и яркими темными глазами... Впрочем, глаз было и не увидеть – смотрела Соня только в пол. И, садясь, сразу съежилась, собралась в комочек, точно стараясь скрыть и пышную грудь, и прочие прелести.

Кашеев же, когда Соня явилась под свет прожекторов, наоборот, словно расцвел. О трагедии своей рассказывал надтреснутым горьким голосом, но свободно (впрочем, подумала Арина, ничего удивительного: сколько раз ему эту историю и во время следствия, и журналистам рассказывать приходилось):

– Она ведь каждый раз клялась – прости, все, больше никогда!

Лощеный ведущий аж засиял восторгом от такого благородства своего героя:

– Как же вы... Жена вам изменяла, а вы каждый раз ее прощали? Как же вы силы в себе находили принять ее назад?

– Да не изменяла она! – досадливо перебил Кашеев. – Ну... то есть... если что и было, так это когда она уже совсем не соображала. Она ж не за этим уходила – ей выпить надо было.

– И в тот раз... – вкрадчиво подсказал не то Вадим, не то Руслан.

– В тот раз она вроде как с Витенькой погулять пошла, – забубнил герой студии. – Мне-то и в голову не пришло сперва. Среди бела дня, да с ребенком еще... А она сразу в тот дом пошла...

– Где приятель ее жил? – уточнил ведущий, сочувственно, но аккуратно покачивая идеальной, демонстративно небрежной прической.

– Ну да. Потому что знала, что там было вино. Я и не подумал... А у меня ведь уже и документы все были на завещание, чтоб квартиру отобрать у тех, кто...

– Какую квартиру? – удивился лощеный.

Арине удивление его показалось наигранным. Наверняка ведь перед эфиром должен был знакомиться с историями гостей, иначе, не ровен час, в лужу сядешь. Однако вот, удивляется, как будто первый раз слышит.

– Да ее квартиру, Сонькину, – все так же досадливо пояснил Кашеев. – Когда я к себе-то ее привел, она ж на вокзале ночевала, побитая вся, несчастная. Ну пожалел – пропадает девчонка. Взял к себе, приодел, вылечил, в человеческий вид привел. Видите, какая видная оказалась?

Соня еще сильнее свела плечи, сгорбилась, пряча свою «видность».

– То есть сперва вы просто хотели помочь, даже не планировали жениться?

– Да там смотреть не на что было, не то что жениться! И грязная она была, как не знаю что, – «герой» брезгливо поморщился. – Опухшая, серая вся, замызганная, в синяках. Просто пожалел сиротинку. Это уж после мы друг другу понравились. Ну и поженились – когда ясно стало, что она в положении. И пить уже не пила она совсем. Я следил. А там еще тетка ее померла и квартиру ей оставила. Соня обрадовалась было, что она теперь не нищая, ткнулась – а там желающих целая очередь на теткино наследство. Мне, в общем, оно без надобности, да ведь этак же не годится. Ну документы все собрал, что положено было, чтоб ни у кого никаких претензий. Злились они ужасно. Гадости всякие подстраивали.

Соня хотела, похоже, что-то сказать, но Кашеев зыркнул на нее сурово:

– Уйди, Сонь, не лезь, – даже плечом дернул: не мешай.

Ведущий, сообразив, что скучные подробности благополучного быта никому не интересны, попытался вернуть разговор к «горяченькому»:

– В общем, все у вас было в порядке, вы и ожидать не могли, что такой ужас может случиться?

– Ну да, – подтвердил герой. – Я ведь потому и не подумал, что она... Она как-то выправилась, вроде как и тянуться к бутылке перестала. А на самом деле... пошла как будто с Витенькой погулять, а сама к этому... не чтоб изменить, а потому что у него всегда вино было...

Он называл зеленого змия «вино»: не водка, не выпивка, не алкоголь – вино.

– Как же вы ее нашли? – Вадим-Руслан даже вперед подался, изображая почтительное изумление.

– Так когда смотрю – долго что-то гуляют, несколько часов, скоро смеркаться начнет – пошел искать. Дом-то этот я знал, сразу туда. Захожу... а они там оба – и Сонька, и этот... валяются. Она подальше, на лежанке под окошком, а он прямо у двери. Одежки какой-то на себя навалил, скрючился весь. Холодно там было. Я сразу про Витеньку подумал, не простудился бы. А его не видать.

– Вы испугались за него? – ведущий, подчеркивая свой интерес, слегка наклонился к герою.

Тот покачал головой:

– Нет. Кажется, подумал, что Витенька, наверное, убежал от них. И разозлился. Как так можно: при ребенке довести себя до такого состояния, что ничего не соображаешь. И про ребенка не помнишь. Где он, куда делся – наплевать. Ну вот смотрю на этого... лежит, как бревно. Бью каблуком сапога... в висок ему попал – а он хоть бы хны. Только под куртку поглубже заполз. Холодно там было, – повторил Кашеев. – Я позвал: «Витя, Витенька!» И ничего. Смотрю, а из-под куртки, что там валялась, лямочка торчит. Красненькая такая. Как у Витеньки на шапке... И тут я понял – где-то здесь Витенька. Он маленький, но смысленный, уж раздетый-то точно не ушел бы никуда.

– И вы начали его искать? – подсказал ведущий.

Кашеев мотнул головой, точно отгоняя страшную картину:

– Я первым делом печку открыл... и увидел...

– Представляю ваш ужас... – Вадим-Руслан округлил глаза – мол, вот как я шокирован. Герой программы опять так же мотнул головой:

– Я, конечно, ничего не касался, я же понимаю. Вот ничего не трогая – вжик и вылетаю оттуда... милицию вызвал, а сам и близко не подхожу.

Надо же, какие все нынче образованные стали, раздраженно подумала Арина. Вот, любуйтесь: мужик только что наткнулся на тело собственного сына – маленького, любимого, единственного – другой бы в обморок хлопнулся или ребенка обнимать кинулся, вдруг живой еще, а этот помнит, что обстановку на месте событий нарушать нельзя. Вообще-то, конечно, правильное поведение – тем более что мальчику было уже все равно не помочь – но почему-то от правильности этой протокольной становилось не по себе. Арине вспомнилась свидетельница по одному из дел: муж благоверную свою по пьяной лавочке ножом изрезал, а соседка, когда опера к ней постучались, больше всего беспокоилась, чтоб в ее чистенькую квартирку грязи на ботинках не нанесли. Бывает такое: формально вроде все как положено, а по сути – как червивое яблоко куснул.

Арина уже успела проклясть и жаркий свет прожекторов, и паточно-сладкого ведущего, и форменный китель, и главное – Еву, буквально заставившую явиться на эту, чтоб ее, съемку, – когда до нее наконец-то дошел микрофон. Ну спасибо! Вспомнили, что у них тут настоящий следователь в студии сидит – нельзя же не дать прокомментировать. Да, она злилась. Очень хотелось сказать что-нибудь... эдакое. Но Пахомов тогда уж точно не обрадуется.

– Скажите, – обратилась она к Кашееву, – а почему вы... – и осеклась: ты чего, Вершина, не на допросе все-таки. И спросила совсем не то, что вертелось на языке. – Скажите, вы с Соней первым браком женаты?

– Первым, – набычился герой программы.

– То есть раньше у вас с женщинами отношения не складывались? Не доходили до такой стадии, чтоб жениться?

– Какое это имеет значение?

– Вы ведь мужчина видный и уже в возрасте, а брак первый. Значит, вы долго искали, приглядывались, выбирали, так?

– Ну так я думал, она...

– Понятно, – улыбнулась Арина.

Ведущий вдруг осознал, что приглашенный следователь рулит куда-то не туда, и моментально перекинул микрофон в сторону восседающей метрах в пяти от Арины престарелой кинозвезды – та так и рвалась выразить свое восхищение благородством обманутого мужа и возмущение неблагодарной женой.

Как и прочие присутствующие, звезда излучала убежденность: герой программы – вообще герой, луч света в темном царстве и образец для подражания. И больше всего ее интересовало, может ли Кашеев простить свою непутевую супругу.

Арине это показалось немного странным: какой смысл задаваться вопросом – простит или не простит – если уже не прогнал.

– Прошу, – тяжело вздыхал герой. – Я на что угодно пойду, чтоб Витеньку воскресить. Я так ждал, что вот пусть у нас опять мальчик родится, так ждал, думал, Витенькой назовем – и тогда уже будет, как будто ничего не было. А родилась девочка... Но мы все равно ее Викторией назвали. Витей... Чтоб так же. И, может, мальчик еще будет.

Арина едва не поперхнулась от мотивировки кашеевского «милосердия». И заодно – от восторженной реакции студии. Удивительное дело: ей, следователю, всякое видеть и слышать приходилось, и то не по себе – а публика аплодировать готова! И впрямь – благородный герой! Не только не прогнал беспутную – да и преступную, на его-то взгляд – жену, а еще и новых детей с ней заделывает. Может, еще и сына дождется. Соня эта, конечно, не ангел безгрешный, но ее почему-то делалось жаль. От хорошей жизни так не съезживаются. Хотя откуда там хорошая жизнь.

Арина еле-еле дотерпела до окончания съемки. От сладких речей лощеного ведущего ощутимо подташнивало. Когда прожекторы наконец погасли, она облегченно вздохнула и затопила к выходу. Только бы не любоваться больше на героя программы.

Но в студийном коридоре они на какое-то мгновение оказались рядом.

– Ты чего докопалась, стерва милицейская? – прошипел герой сквозь стиснутые зубы. Арине даже показалось, что он сейчас в нее плюнет. Или ударит. Но нет, только шипел страшным шепотом. – Прославиться решила? Показуху устроила? Тьфу, глаза твои бесстыжие! Все вы, бабы, на один манер, лишь бы коленками сверкать...

Глаза у него были очень светлые, как будто пустые. И взгляд – странно несоответствующий быстрому лихорадочному шепоту – немигающий, неподвижный.

Неуютный взгляд. Тяжелый. Как будто не в глаза смотрит, а гору камней на плечи кладет. Так что коленки норовят подогнуться. Арина отвернулась, выудила из сумки заботливо припасенную бутылочку минералки. После студии в горле что-то свербело. Точно песку туда насыпали. Бутылка за время съемки успела нагреться, пробочка, отворачиваясь, зашипела рассерженной кошкой, заплевалась, заливая ладони, юбку, туфли. Да что ж это такое! Выплеснулось, впрочем, немного. Арина прополоскала пересохшее горло, глотнула острые колкие пузырьки. Обернулась осторожно. Никого. То есть людей в бледном, похожем на больничный коридоре было довольно много – они ходили, стояли, разговаривали – но тот, кто только что поливал ее бессмысленными оскорблениями, исчез.

* * *

Он еще потоптался немного на крыльце телецентра – может, выйдет та девица в милицеском пиджачке. Мало он ей сказал. Испуг – первое дело, но мало этого, надо чтоб – дошло.

Мимо пробежали, едва не подламываясь на бессмысленных своих шпильках, другие девицы – кто в узких, едва не лопающихся брючках, кто в коротюсеньких юбчонках, кто в диких каких-то хламидах. И все размалеванные – тьфу! Нет, не так чтоб прямо по-клоунски размалеванные, да какая разница! Он-то видел – не слепой! – и ненатурально пухлые, наверняка силиконовые, губы под обманчиво скромной помадой, и неправдоподобно длинные ресницы – наверняка наклеенные, и призывно блестящие глаза. Вот почему у этих телевизионных девиц так глаза блестят – небось, под кайфом каждая вторая. Одна, в гигантском разноцветном шарфе поверх кургузой куртки, тугих полосатых штанцах и здоровенных, словно кирзовые сапоги, ботиницах (правда, без шпилек), сосредоточенно прижимавшая к уху телефон, налетела прямо на него. Блеснула глазищами, махнула ресничками, щебетнула «ой, простите», улыбнулась – преувеличенно приветливо, чуть не во все тридцать два зуба.

Где их всех такому учат? Женщина должна улыбаться слегка – сомкнутыми губами, скромно опустив глаза. Не пялиться в упор, махая намазанными ресницами, не скалиться во весь рот, рекламируя услуги «голливудского» стоматолога. Почему-то широкие, разухабистые улыбки теперь называют голливудскими.

Эта, в милицейском пиджачке, улыбалась правильно. Пожалуй, из нее еще мог бы выйти толк. Если, конечно, успеет попасть в руки настоящего мужчины. Наверное, он и разозлился на нее именно от досады, потому что она-то вроде бы не совсем еще пропащая. Да что толку? Пройдет совсем чуть-чуть – и станет такая же, как все они.

Очень трудно выбрать какую-нибудь...

Большинство из них делают счастливыми деньги. Раскрой бумажник потолще – и готово: станет щебетать, что ты самый лучший, что тебя она всю жизнь дождалась, что рядом с тобой – счастье. А засядет болтать с подружками своими, иначе как старым козлом и не назовет: моему-то, дескать, козлу, никак не угодишь... а что ж бедной девушке делать, приходится подлаживаться. И подружки вздыхают сочувственно, потому что сами такие, и мужиков себе так же выбирают – по толщине кошелька.

Эта как раз была не такая. Эта явно стремилась к большему. Только не понимала пока, дура, что это такое – большее. Наверняка думала про карьеру и прочие такие же глупости.

Но вопрос она спросила правильный: вы долго выбирали?

Выбрать очень трудно.

Те, кто сразу помнит, что женское дело – о мужчине заботиться, – те обычно вовсе дуры. Думает такая, что раз она борщ варит и полы моет, значит, все правильно в ее жизни. А через год поглядишь – квашня бесформенная. Уважающему себя мужчине рядом с такой и стоять-то зазорно.

Эта, небось, не позволила бы себе так распускаться. Хотя заранее, конечно, не скажешь. Пока-то не замужем, конечно. Кольца нет, и глаза смелые... Форменный пиджачок – или это называется китель? – сидел на стройной фигурке ладно, но не в обтяжку. И, похоже, сильно ей мешал.

И то сказать: разве может женщина ходить в форме? Форма – это власть. То есть дело совсем не женское. Власть – это значит сверху быть, а женщина должна снизу вверх смотреть. Так должно быть, потому что всегда так было. Нет, ну говорят, были еще какие-то амазонки – сами себе хозяйки, а мужиков только для этого дела держали. Только где теперь те амазонки? Да и давно это было, может, и вовсе байки. Потому что разве бабе можно доверить решения принимать? Даже если у нее в голове не совсем пусто, она ж баба, то пожалеет некстати, то на мелочи, как курица, отвлечется. А если не пожалеет и не отвлечется – тогда, выходит, она и не баба вовсе, а мужик в юбке. Да и юбки-то они теперь не больно-то жалуют. Типа раз мы с мужчинами вровень работаем, значит, и штаны нам положены.

Нет, он, в общем, не возражал, если баба работает. Он же не какой-нибудь там мракобес или радикальный исламист. Пусть трудится. В смысле, не только по дому хлопочет, но и еще где-то. Например, в бухгалтерии. Или в пекарне – самое для них разлюбозное дело.

В каком-то старом фильме одна такая довыслуживалась до большого начальника: брови строгие, глаза пронзительные, словно и не женщина, а генерал прямо. Даже дома командовала. Ясно, что никакого мужика у нее не было. Хотя и красивая была, но кому ж такое счастье понравится, когда на тебя собственная баба рявкает. К концу фильма появился, правда, один смельчак. Она было и этим попыталась покомандовать, а он как рявкнет в ответ: «Все буду решать сам. На том простом основании, что я мужчина». Ну и притихла командирша-то!

Потому что ласку-то они любят, но одной лаской не обойдешься. Это уж от природы – или, может, от Бога, если он есть, заведено, что главный в доме – мужчина. Потому и мечутся глупые бабы, что вбили им в головы какую-то самостоятельность. Но против природы-то не попрешь: мечутся, пока настоящую силу не почувствуют. Это те, кому повезло. Ну а прочие так и мечутся всю жизнь, лезут, карьеру делают, фирмами командуют. Смотришь на нее – миллионы заработала, вся упакована во все самое модное и дорогое, сумочка как автомобиль стоит, пальцы бриллиантами унизаны. А в глазах-то – тоска.

Ясно, что поначалу-то даже те, кому настоящего мужика встретить повезло, упираются, норов показывать пытаются, равноправие, вишь, у них. С молоденькими, конечно, проще, эти к природе ближе, эти быстро вспоминают, как все должно быть. Вот эту, в милицейском пиджачке, небось, подольше пришлось бы обламывать. Но, в сущности, разницы-то никакой. Все они, силу почуяв, на колени бухаются и руки лизать готовы. Потому что поняли, кто хозяин.

Сколько раз он уже в этом убеждался. Всего-то и надо – твердую руку иметь. Щенков не зря же в устроенную на полу лужу носом тычут, не зря же при попытке вольничать поводком охаживают. Если не воспитывать, лучше собаку сразу пристрелить, иначе вырастет не собака, а полное безобразие. Таких сейчас много развелось. Потому что хозяева боятся силу применить или даже вовсе у них силы-то нету. А уж бабу себе воспитать, чтоб место свое знала – и вовсе почти никто не умеет.

Ему ж, если честно, от процесса «воспитания» никакого удовольствия. Но что делать? Картошку ж не едят сырым, да в земле – чистят, режут, варят, жарят. Вот и с бабами то же самое.

* * *

– А почему ты его спросила про... ну первая ли жена? Ты думаешь, он Синяя Борода? – глаза начальницы канцелярии горели так, словно ей демонстрировали хитро закрученный детектив, и она вот-вот разгадает, кто там главный злодей.

– Да ну тебя! – Арина усмехнулась. Ева в своем репертуаре. Как будто не в следственном комитете работает, как будто по работе мало «сюжетов» – все-то ей страсти-мордасти и смертельные ужасы подавай.

– А как там вообще – на телевидении? – Ева подвинула чашку, сыпанула на блюде горсть печенья и умильно заглянула Арине в глаза.

– Жарко, – вздохнула та. – И скучно до зевоты. Честно говоря, я вполне могла бы без этой съемки обойтись.

– Ну, Вершина, или ты не понимаешь? Позвонили, попросили... – Ева возвела глаза к потолку, подчеркивая, что звонили «сверху».

– Мы-то тут при чем?

– Ой, я тебя умоляю! – завканцелярией всплеснула руками. – Подследственность-то наша была. ППШ, конечно, душка и начальник лучше всех, но лишний плюс в карму заработать никогда не откажется. Да чего ты-то куксишься?

ППШ называли за глаза Павла Шайдаровича Пахомова – отчасти за инициалы, но больше за характер.

– А если бы меня про дело спросили? – почти прорычала Арина. – Я ж по нему не работала. Кстати, Ева свет батьковна, а что за следователь его вел? Что за Скачко? У нас такого вроде нет же? Ну... на моей памяти.

– А! – Ева выразительно махнула ладошкой. – Был один такой. Вот уж точно – Скачко. Прискакал – молодой да борзый, на дипломе еще печати не просохли – и, года не прошло, ускакал в адвокатуру. Не понравилось ему на следствии. Тут же работать надо, а не языком трепать.

Завканцелярией всегда находилась по «правильную» сторону гипотетических судебных баррикад и была твердо убеждена, что деятельность адвокатов состоит из болтовни, слегка разбавленной поисками нечестных судей, которых любой адвокат, разумеется, спит и видит как подкупить в пользу своего клиента. Арина, чье общение с адвокатами было более обширным, понимала, что те бывают разные. Как, кстати, и следователи. Но с Евой не спорила.

Та, однако, не унималась:

– Слуш, Вершина, а почему там жена-то чисто свидетельницей проходила? Почему не соучастницей?

Арина пожала плечами:

– Ну не вдвоем же они этого пацана несчастного убивали. Да и без умысла, судя по всему. Нечаянный удар, ну и... Зря что ли программа называлась «Несчастный случай», хоть и с вопросительным знаком в конце. И чего ты от меня-то хочешь? Фигурантов я в студии впервые удостоилась лицезреть, делом не занималась, оно ж больше трех лет как закрыто, злодей сидит, а жена, Соня эта... ей и так досталось.

– Ой, да, да, точно! – Ева завздыхала, закивала головой. – Мне ее, когда я смотрела, прям жалко даже стало. Этот муж, хоть и не выгнал ее, но, по-моему, так запугал, что уж лучше бы выгнал. Он ее бьет, наверное... – задумчиво протянула завканцелярией.

– Может, и бьет, – согласилась Арина. – А может, и так... словами тоже можно ниже плинтуса опустить. Женщина действительно запугана донельзя. Как она на съемку-то согласилась, удивительно. Разве что он сам и приказал.

– Нет, ну все-таки, – не унималась Ева, – почему ты спросила про первый брак и про других баб? Думаешь, эта Соня единственная, кто согласился за этого типа замуж?

– Да нет, – усмехнулась Арина, – вряд ли единственная. Он же, в сущности, вполне приличный жених. Не алкоголик, работающий и вообще положительный. Холодный, правда, как ботинок из крокодиловой кожи. Но это для главы семьи вещь вполне обыкновенная. Спросила, потому что надо было что-то говорить, когда мне микрофон сунули. У меня какой-то другой вопрос в голове вертелся, сейчас уже не помню какой. А про предыдущих его женщин действительно интересно показалось. Потому что он вдвое Сони своей старше. И весь такой, ну ты же видела, благодетель. А это не с потолка падает. Вот мне и подумалось...

– Что он сперва на кошках тренировался?

– На кошках не на кошках, но вполне мог и раньше в благодетеля играть. Чего проще: приграть девчонку вокзальную, которая еще не совсем опустилась, но лиха уже хлебнула. Помоложе, посимпатичнее. По крайней мере поначалу такая точно будет на цыпочках ходить и в рот заглядывать.

– А потом... бах, и на огороде закопал!

Арине стало смешно:

– Да ну тебя! Не выдумывай. Никого он на огороде не закапывает. Все проще. Отогреется такая девочка, глядишь, собственным голосом разговаривать начнет. Ему оно надо? Пошла прочь, другую найдет. А другая, может, родить не в состоянии. Тоже прочь пошла. Да ладно, это все предположения чистые. Соседей, по-моему, там недостаточно отработали. Но, с другой стороны, а смысл? Даже если у этого, прости господи, Кашеева до Софьи еще полдюжины таких девочек перебивало – если совершеннолетние, ненаказуемо. Но вряд ли совсем мелких подбирали, он, мне кажется, не по малолеткам.

– Откуда знаешь? – азартно прошептала Ева.

– Так... – Арина повела плечом. – Глаза не те, повадка тоже. У тех, что по малолеткам, просто сексуальные предпочтения на сторону свихнуты. Этот не такой.

– А какой? Какой? – та чуть не подпрыгивала на стуле. – Ну вот скажи в двух словах.

– В двух? Глава семьи. При этом семьи может и не быть. Но он тем не менее – глава. Хозяин дома.

– Так это же хорошо? – неуверенно спросила Ева.

– Вроде да, – так же неуверенно ответила Арина.

– Щебечем? – в приемную заглянула Эльвира. – Что, Вершина, поджидаешь начальство, чтобы про свои телевизионные успехи отчитаться? Ах-ах-ах, лицо следственного комитета! Типа ты у нас теперь не Вершина, а вершина, – она сместила ударение на второй слог. – Другие работают, а тут, без году неделя, раз – и знаменитость.

– Вообще-то я сюда тоже не прямо со свеженьким дипломом явилась.

– Ой, слышали про твои питерские подвиги! Маньяка она поймала! Повезло просто, а звону-то теперь на всю жизнь хватит!

– Эль, ты, что ли, сердишься, что не тебя на телевидение отправили? Ну так я туда не просилась. Ева, поклянись, что в следующий раз Эльвира поедет.

– Ну конечно, клянусь. Элечка, вот ей-богу, крест на пузе!

– Можно подумать, нас каждый день туда приглашают, теперь-то можно чем хочешь клясться. И я миллион раз просила не называть меня Элей! – фыркнув, она выплыла из приемной.

«Нехорошо», – подумала Арина, чувствуя себя почти виноватой. Сама с мамой воюешь из-за вечных «деточек» и «душенек», и сама же про «Элю» забываешь, а ей обидно. Да еще телевидение это, чтоб его! Кому там и блистать, если не первой красавице всего областного следствия. Немудрено, что Эльвира разозлилась. Арине стало вдруг почти жалко коллегу. Следовательно-то она неплохой, а все видят только ноги от подмышек, смоляные кудри да бездонные глаза. И ясно, почему ППШ ее на программу не отправил – чтоб, не дай бог, не подумали, что он любовницу сыночка своего продвигает. Тоже ведь то еще счастьеце Эльвире досталось – младший Пахомов.

– Пойду я, Ева. Спасибо за чай.

– Заходи ближе к вечеру, – улыбнулась та. – У тебя ж сейчас ничего срочного в производстве? Выгоним всех, я тортик припасу, расскажешь еще про съемки.

* * *

Дверь Ариного кабинета подпирала знакомая плечистая фигура:

– Здрава будь, Арина свет Марковна! – Молодцов отвесил ей шутовской поклон.

Опер пребывал в радостно приподнятом состоянии духа, Арине даже подумалось – не выпил ли? Но – с утра пораньше? Да и не склонен Молодцов к злоупотреблению – по праздникам может любого перепить и даже язык не заплетается, а в прочие дни – ни-ни.

– И тебе не хворать, Иван Сергеевич! Ты чего к нам? Так забежал али по делу какому?

– По делу, матушка следователь, по самому что ни на есть делу. По твоему, между прочим, иначе чего б я под твоим кабинетом торчал.

– Ну заходи, – пригласила Арина. – Хотя... я ж только из отпуска, никаких поручений операм вроде еще не успела расписать.

– Вот! – он воздел глаза к небу. – Пока некоторые отдыхают по самое не хочу, другие работают по самое не могу. Подарок у нас для тебя, Арина свет Марковна. Как раз к твоему возвращению объявился. Очень, я считаю, удачно.

– Подарок? – изумилась она.

– Подарок-подарок, прямо самолучший. Так что нечего в кабинете штаны... а, ты по случаю первого рабочего дня в юбочку, как приличная девочка, оделась? Все равно: нечего юбку на стуле протирать, поехали?

– Куда поехали-то? Что стряслось?

– Что ты нервная какая? Как будто не отдыхала, ей-богу! Ах да, наслышаны, тебя ж заставили в телевизоре выступать.

Арина понимала, что Молодцов явился не просто так, но все-таки начала сердиться:

– Да черт с ним, с телевизором, говори быстро, в чем дело.

– В чем, в чем... Я-то думал – привезу Арину Марковну, будет ей сюрприз. Ладно, ладно, докладываю. По мошенничеству искала подозреваемого?

– Ну... – Арина нахмурилась, еще не веря в удачу. – Ой, Ванечка, миленький, неужели?

Дело о мошенничестве лежало в приостановленных – до задержания подозреваемого. Надежды на что, впрочем, было совсем немного. Эпизодов в последнее время не прибавлялось, только предыдущие жертвы звонили регулярно, требуя найти, покарать и, разумеется, вернуть их «кровные». Жертвы! Арина не уставала удивляться, как люди на столь явный «развод» ведутся? С другой стороны, на «нигерийские письма» и прочие «лотереи» тоже ведь не марсиане ловятся. И деньги мошенникам отдают собственноручно, а после приходят и плачут: помогите!

Суть дела была проста, как грабли: элегантный представительный мужчина снимал приличную квартиру – и начинал ее продавать. Вроде как риэлтер он. Приводил потенциальных покупателей ознакомиться с «товаром», договаривался о времени окончательного заключения сделки и... брал аванс. Небольшой, для «обозначения намерений» и в компенсацию, так сказать, за его риэлторские услуги. «Продать» одну и ту же квартиру он ухитрялся десяти, а однажды даже семнадцати страждущим. После чего исчезал со всеми авансами – и снимал следующую квартиру. Доказательств набралось более чем достаточно – включая отпечатки пальцев хитреца и даже фото, сделанное случайно одним из «покупателей». Плюс целая коллекция визиток с разнообразными именами. Не хватало одного – самого «умника». Почувяв, что на него охотятся, мошенник затих. Залег, что называется, на дно. Сама Арина, впрочем, была почти уверена, что скорее всего ушлый персонаж успел сбежать и теперь греется на каком-нибудь дорогом курорте. Вот и ищи его от Турции до Бразилии, включая Флориду и Канарские острова.

Не успел, значит... Но какие же ребята молодцы – отыскали гада! Как только ухитрились!

– На радостях прощаю тебе «Ванечку», – строго заметил Молодцов, – но насчет неужели – это прямо в точку. Поехали, по дороге расскажу, такой анекдот вышел, цирка не надо.

Ванечкой Молодцова называть позволялось лишь обожаемой его супруге. Но сейчас опер излучал удовлетворение по поводу финала безнадежной истории, так что «Ванечка» сошел Арине с рук.

– Куда едем? – весело уточнила Арина, устроившись на пассажирском сиденье потрепанной, но чистенькой молодцовской «калины».

– В ИВС, матушка моя. Подозреваемого твоего оформлять, чтоб все как положено. Ну и допросить сразу сможешь, он сам, похоже, в шоке от неожиданности.

– Да уж, действительно, сюрприз. Как?! – Арина вытаращила глаза, демонстрируя степень своего изумления.

– Ой, цирк, – хмыкнув на простершуюся впереди пробку, Молодцов свернул во дворы. – До сих пор смешно. Патрульные в «Империи», ну, знаешь, торговый центр на Юбилейной, щипача на кармане взяли. Давай его вязать и в кутузку тащить. Ну и потерпевшего, само собой. А тот мнется, как девка на первом свидании – да нет, да я не могу, да я тороплюсь и все такое. Важный такой, ну прямо весь из себя солидный человек. И вообще, говорит, бумажник-то мой цел в итоге, так что спасибо, господа полицейские, за отличную службу и до свиданья. И тут один из патрульных повнимательнее к потерпевшему-то присмотрелся – что-то, потом говорил, рожа мне его знакомой показалась. Мы ж ориентировку-то рассылали, помнишь? Но, заметь, сработал парень очень грамотно, теперь же все адвокатскими закорючками пуганые – пришьют превышение, век не отмоешься. Так что кидаться на гражданина не стал, а молвил ему – уже посуровее – что это вы, говорит, господин-товарищ, странно себя ведете? Не по-граждански. Знаете, говорит, что такое воспрепятствование осуществлению правосудия? До трех лет, между прочим.

– Иван Сергеич, что за бред? – фыркнула Арина. – Нет, ну есть двести девяносто четвертая статья, но когда ты с ее применением в последний раз сталкивался? А уж до трех лет – это вообще о чем? Там штраф или, если уж в камеру, то максимум до полугода, кажется. Если я не путаю.

– Не путаешь, Арина Марковна. Ну так он же не юрист, да? Тем более что по сути-то все верно – и статья существует, и срок по ней какой-никакой, а предусмотрен. Не для таких, конечно, случаев, но фигурант-то о том ни сном ни духом. Вот и запаниковал. Сразу забыл, что страшно торопится, да я, говорит, да всегда, да пожалуйста.

– И в участок поехать не отказался?

– Ха! – Молодцов лихо вырулил из дворов опять на улицу, уже другую, где было посвободнее. – Поехал как миленький. И – здрасьте, господин Боровой, мы счастливы видеть вас во плоти. Можно было кого-то из дежурных следователей попросить оформить, да мы посчитали, что ты вот прямо уже из отпуска возвращаешься, задержали фрукта на семьдесят два часа в соответствии с законодательством. До выяснения, так сказать...

– Он, конечно, я не я и лошадь не моя?

– Ото ж. Но ребята, пока он в растерянности пребывал, пальчики-то ему откатали, якобы чтоб с пресловутого бумажника следы владельца отсеять. Он и охнуть не успел. А что возразишь?

– Те самые?

– Те самые. Но, заметь, гражданину о том никто ничего не сказал, молодцы коллеги. Только документы проверили. Собственно, не Боровой он оказался, разумеется, не Гриценко и даже не Гаспарян. Лошко он, – Молодцов резко выделил второй слог, – если по настоящему паспорту смотреть.

– Ложко? – переспросила Арина.

– Не-не-не. Не от ложки, а от лоха. Забавно. В итоге-то он сам этим лохом и оказался. В суд за постановлением сейчас или завтра?

– Давай завтра, очень хочется на этого типа живьем поглядеть.

Исполнив все необходимые формальности и допросив уже растерявшего изрядную толику солидности господина Лошко, Арина забежала к операм – поделиться радостью: дело, по всем признакам неуклонно превращавшееся в «глухарь», теперь требовало лишь проведения нескольких формальных мероприятий вроде опознания – и пожалте в суд. Вот ведь случай какой счастливый!

– Да чего там – случай! – пробасил забежавший на минутку и все еще подпиравший угол капитан Карманов из «автомобильной» секции. – Еще и не то бывает. Помнишь того придурка,

что прохожего насмерть сбил и, перепугавшись, вместо того чтоб бросить и уехать, решил тело подальше увезти?

Арина покачала головой:

– Это не при мне было.

– Тоже ведь счастливый случай. Его на посту ДПС тормознули – по поводу какой-то фигни, то ли номера у него были грязные, то ли выхлоп дымил... не помню. Ни о чем короче. Через минуту бы дальше поехал, да инспектору показалось, что мужик чего-то нервный. На алкоголь проверил – чисто. Ну и так уже, до кучи, все подряд решил посмотреть. Оно бы и ничего, только у мужика-то в багажнике – труп. А вы говорите – случай.

– Ой, а когда курьер решил, что у патрульных собачка на наркоту натасканная? – засмеялся бессменный молодцовский напарник Стас Мишкин. – Ну и спалился. И тоже его просто так остановили, типа поворотники не горят.

Бак про счастливые случайности опера знали множество. И Арина невольно вспомнила Кашеева – он ведь тоже ей на глаза случайно попался. И тоже... произвел «то самое» впечатление. Вроде потерпевший, а руки чешутся в камеру его закрыть.

Программу, где пришлось «блистать» Арине, смотрели, оказалось, все присутствующие. И по поводу Кашеева мнение было единодушным – тот еще жук. Может, и не плачет по нему уголовный кодекс, но что-то там, безусловно, нечисто.

Добродушный Стас Мишкин, который знал, кажется всех и вся, извлек откуда-то пухлую, порядком потрепанную записную книжку и улыбаясь, сообщил:

– Ща попробуем! – и, покопавшись в книжке, принялся тыкать в кнопки стоявшего на столе телефонного аппарата. – Повезло, – разулыбался он еще шире, когда ему ответили, и пояснил, повернувшись к «честной компании». – Борис Ефимыч никуда не делся, по-прежнему тем же участком рулит. Отличный мужик, я вам скажу!

У Мишкина все или почти все были – «отличные мужики». В крайнем случае, «отличные тетки».

Из динамика – Стас предусмотрительно переключил телефон на громкую связь – раскатился солидный басок:

– Помню я то дело, как не помнить. До сих пор мороз по коже. Ладно бы у кого другого – у нас тут, знаешь, контингент всякий попадается – но в этой семье... Я ж их до того и не знал почти. Сам понимаешь, вот синяков и буянов знаю, потому что работа такая – за источниками проблем следить. И предупреждать по возможности. А с этими никогда никаких проблем не было. Все чинно, благородно. Кашеев этот, конечно, не фунт изюму, но дядька приличный.

– А почему не фунт изюму, Борис Ефимыч?

– А черт его знает! Не нравится он мне. Хотя если бы у меня все граждане на участке такие были, я бы на работу только за зарплатой приходил. Мужик тихий, не пьянствует, не буйствует, не хулиганит, про наркоту уж и не говорю. Хозяйственный, дом у него справный, нигде ничего не скрипит, все чистенько. Даже у пожарной безопасности к нему претензий никогда не было, ну там поленицу к стене дома прислонил или проводка гнилая. Ни боже мой!

– Так почему ж не нравится?

– Да ну... – в динамике покашляли. – Душный он какой-то. Одно слово – куркуль.

– Жадный, что ли? – уточнил Стас.

– Не, не жадный. а такой, знаешь – я ни к кому не лезу и вы ко мне в хату не лезьте.

– Из тех, что в церкви поклоны кладет, а дома жену смертным боем лупит? – подсказал вдруг Мишкин. – Типа мой дом – моя крепость.

– Ну... вроде того... Чужая душа потемки, короче. Правда, про жену лупит не скажу. Жалоб на него никогда не было. Сонька, конечно, тише воды ниже травы ходит, ну да оно и понятно.

– Она что, действительно без бутылки никак?

– Да ну, какое там! Нормальная баба. Хотя перед мужем прямо стелется. Уж не знаю, чем он ее так выстрожил. Синяков я на ней никогда не видел. Или там чтоб хромала, к примеру, не видел. И жалоб не поступало. Ни от нее, ни от еще кого. Это ведь женился он на Соньке, а так-то у него и другие живали. Но жалоб – нет, не было.

– Другие? – оживился Стас. – И где эти другие сейчас, не в курсе?

– Я тебе кто, ЦРУ, что ли, чтоб все про всех знать? – гулко захохотал «отличный мужик» Борис Ефимыч. – Ну ладно, ладно... Одна, Лерка вроде, у Ахмета сейчас, на рынке стоит. Светка углы подпирает, улицы подметает. Про других не знаю, мне как-то ни к чему.

– Улицы подметает? Дворничает, что ли?

Из динамика раскатился еще более гулкий хохот:

– Скажешь тоже! Ты прям «руссо туристо, облик морале».

– А, понял, – хмыкнул Мишкин. – В ночных бабочках, значит.

– Ну да. В самых таких, знаешь... Те, что в массажных салонах и в баньках все-таки попримечнее, а те, что вроде Светки этой, в самом низу. Говорю же, углы подпирает. Даже не на магистральной трассе. Ты долго меня допрашивать собрался? Нет бы заехать – посидели бы, я б тебе все в лучшем виде обсказал. Что вообще за интерес такой у всех проснулся к Кашееву? Тебе-то он зачем?

– Да это не мне, следовательно одному нашему, – честно признался Мишкин.

– Это которая в телевизоре вместе с Кашеевым сидела? – догадался участковый. – Ничего, симпатичная. Ей-то чего от него понадобилось?

– А ей, как ты выражаешься, морда кашеевская не понравилась. Никому он почему-то не нравится, а вроде такой весь положительный – и тихий, не скандалист, и не пьет, и хозяйственный, и ни в чем дурном не замечен, прямо образец для подражания.

– Может, потому и не нравится, что уж больно правильный? – раздумчиво проговорил динамик. – Ничего так следователяша твоя, не только симпатичная, – участковый опять коротко хохотнул, – еще и соображает. А поглядишь – девчонка, фитюлька. Для нее, значит, стараешься? Ну-ну, – участковый понимающе хмыкнул. – Только... делу-то сто лет в обед. Вы чего там, решили в архивах поковыряться?

– Да нет, Борис Ефимыч, мы так, из любопытства. Спасибо за помощь.

Попрощавшись с участковым, он повернулся к Арине:

– Ну что, Арина Марковна, – Мишкин ухмылялся во весь рот. – Плакала твоя безупречная репутация? Борис-то Ефимыч, по ходу, решил, что у нас с тобой шуры-муры прямо на рабочем месте.

– Да слышала! – отмахнулась Арина, едва сдерживая смех. – Придется тебе, Мишкин, на мне жениться. А то ведь и впрямь слухи – нехорошо.

– Угу, – хмыкнул он. – А ты пойдешь?

– Я... обдумаю... – протянула Арина с серьезнейшим выражением лица, но, не удержавшись, прыснула, прикусила губу и вытаращила, как бы в испуге, глаза. – Ой, а как же Тамара? – она даже назвала мишкинскую жену полным именем, давным-давно общими усилиями превращенным в Мару и Маринку.

– М-да, – серьезно покачал головой Стас, обожавший свою Тamarу не меньше, чем Молодцов свою тихую обстоятельную Веру. – Это проблема. Ну ничего, Маринка – святая, она поймет.

– Я, может, и святая, и все могу понять, но пусть мне сперва объяснят, что именно, – сурово заявила появившаяся на пороге худошавая, коротко стриженная брюнетка в распахнутой дубленке. – Мишкин, ты сегодня домой собираешься? А то меня сразу на три свидания зовут, я вот и думаю...

– Вот видите! Нарасхват моя благоверная! – Стас, облапив жену, закружил ее по комнате, едва не сшибая рабочие столы. – Тamarочка, я Вершиной репутацию испортил, говорит, я теперь на ней жениться должен.

– На ком жениться? На репутации? – Марина преподавала в школе русский язык, и шуточки отпускала соответствующие.

Арине вдруг подумалось: как же разительно отличаются эти две семейные пары. Тихая, спокойная, почти флегматичная Вера очень под стать своему Молодцову, кто-то мог бы, пожалуй, даже принять их за брата и сестру. Правда, Молодцов раза в два крупнее своей невысокой хрупкой жены – но все равно они похожи! И рядом – улыбчивый кругленький Стас со своей, как он выражался, «смертельно начитанной», худой как змея и такой же язвительной Маринкой, которая не только за словом в карман не лезет, да еще каждое из этих слов – с двойным, тройным, а то и побольше смыслом.

Что там говорил Лев Николаич Толстой про одинаковость счастливых семей? Ошибался классик, ох, как ошибался. Разное оно – счастье. Они-то с Виталиком уж такими «половинками» были: одними и те же книжками зачитывались, одну и ту же музыку слушали, над одними и теми же шутками смеялись. Даже внешне были похожи. Шесть лет так прожили – душа в душу. А потом... А потом – суп с котом, сердито оборвала она ненужные мысли.

Воспользовавшись воцарившимся в комнате с появлением Марины веселым сумбуром, Арина незаметно выскользнула за дверь.

Выйдя из РУВД, она привычно повернула направо – и остановилась вдруг. Что она делает? Виталик-то, получается, был прав: ничего-то она вокруг себя не видит. Еще и гордится: она ведь совсем не то, что некоторые, которые каждый день, кроме субботы и воскресенья, в половине девятого садятся в один и тот же трамвай, а в шесть точно так же едут в обратную сторону. А в выходные – телевизор или дача. И так – тридцать лет. Разве что на машину пересядут, а маршрут все тот же. Как будто они сами – трамваи. Вот у нее, у Арины, совсем другая жизнь: никаких тебе с девяти до пяти, каждый день что-то другое, то РУВД, то, прости боже, морг или ИВС, то место происхождения. А по сути глянуть, Арина – точно такой же трамвай. Только маршрутов побольше, но чем тут гордиться, все наизусть знакомо, можно на ходу спать, ноги сами доведут.

Работа, хоть бы и самая-пресамая любимая – это ведь не вся жизнь. Даже Надежда Константиновна, за глаза именуемая, разумеется, Крупской, негиббемый борец и старейший следователь подразделения – даже она видит вокруг больше, чем ты, Арина Марковна. То картинку принесет, что один из внуков нарисовал, то примется заглядывать в кабинеты: граждане коллеги, оторвитесь на мгновение от своих дел, подойдите к окну, поглядите, какая после давешнего ливня радуга поднялась! И радуется так искренне, словно ей не под шестьдесят, а вдвое меньше. А вот тебе, душа Арина, все сто шестьдесят.

Почему ты сейчас свернула направо? Потому что это – кратчайшая дорога до маршрутки, которая довезет тебя до дома. Можно подумать, у тебя там семеро по лавкам голодные сидят или как минимум кот некормленный. Хотя Таймыра, само собой, весь день угощали и мама, и папа, и племянница Майка. Кроме братца дяди Федора, который в отъезде. И что ты так спешишь тогда? Скорее на домашних полюбоваться? Так ведь моментально закроешься в своей комнате и опять в бумажки уткнешься. И куда ты по своим рельсам торопишься?

Арина решительно развернулась, намереваясь пойти не рационально-минималистическим, а каким-нибудь случайным маршрутом. И, сделав шаг, опять остановилась. На противоположной стороне узкой улочки, возле автобусной остановки маячила темная и как будто знакомая фигура.

– С-стерва милицейс-ская! – прошипело в ушах так отчетливо, что Арина вздрогнула.

Мужик на остановке стоял неподвижно. Но смотрел в ее, Аринину сторону.

Она пошла медленно, не поворачивая головы, лишь косясь в сторону темной фигуры. И, поравнявшись с ней, даже через улицу узнала: он, Кашеев. Приткнутый к остановке фонарь освещал его ярко, не ошибешься.

И, собственно, что, сказала Арина сама себе. Живет он, раз дело было в нашей подследственности, в этом районе. Ничего удивительного, что он тут стоит. Стоит и стоит. Ждет маршрутку или, к примеру, автобус. А ты иди своей дорогой. А если он следом пойдет? Опять же – ну и что?

Гулять случайным маршрутом уже совсем не хотелось, но разворачиваться еще раз она не стала, представив, как глупо будет выглядеть со стороны – как мечущаяся туда-сюда заполошная курица. Она, Арина, заполошная курица? Ну уж нет! Она хладнокровный уверенный в себе опытный следователь.

В конце квартала она притормозила на светофоре: стоя словно бы в ожидании разрешающего зеленого человечка, было очень удобно поглядеть вправо, туда, где осталась ждать неведомой маршрутки темная фигура. Теперь она – точнее, он – стоял уже с другой стороны остановки. Обошел, значит. Чтобы павильончик обзор не загромождал. Стоял и глядел ей вслед.

* * *

Судмедэксперт, картинно откинувшись в кресле, так что оно жалобно скрипнуло, всплеснул руками, едва не порушив одну из заполнявших его стол бумажных стоп:

– Ну, Арина Марковна, ты совсем старого Плюшкина со свету сжить решила? Только я из секционной в кабинет сбежал, только настроился чайку спокойно попить – здравствуйте вам! Или, может, думаешь, мы тут с утра до ночи кроссворды разгадываем, чтоб от безделья не заскучать? Ну так, душенька моя...

– Семен Семеныч! – взмолилась Арина.

Она и сама не знала, зачем выпросила в архиве давно закрытое дело, скрестив мысленно пальцы – только бы Пахомов не прознал – зачем терзает сейчас судмедэксперта. Ясно же было, что ничего Плюшкин в тех старых отчетах о вскрытии маленького Вити Кашеева не разглядит. Было бы что – еще тогда бы разглядели.

Почему же так на душе муторно? Как будто съела что-то несвежее. Фальшивое. Как будто в кофе вместо сахара оказался сахарин, на который у Арины была аллергия, – и теперь мутит и подташнивает. В чем та фальшь? Арина вспомнила, как Соня вжималась в самый угол студийного дивана, лишь бы быть подальше от мужа. С одной стороны, это понятно: наверняка после смерти сына Кашеев ее поедом ест. Но с другой – почему она от него не уйдет? Почему раньше не ушла? Если же ее все устраивало, откуда «загулы»? И ведь было бы еще к кому бегать-то! Фотографии осужденного за убийство мальчика Сониного приятеля впечатление производили удручающее. Кашеев выглядел куда импозантнее и внушительнее. А этот Гулявкин – сморчок сморчком. Кашеевское же объяснение про «там было вино» звучало не слишком убедительно: на алкоголичку, у которой все мысли об выпить, Соня не походила совершенно. Что студия настроилась к ней так недоброжелательно – это как раз было вполне понятно. Раз Кашеев в их глазах благородный герой, значит, другая сторона – дрянь.

– Семен Семеныч, – повторила Арина как можно жалобнее. – Ну посмотрите...

– Да ладно, егоза, – добродушно ухмыльнулся Плюшкин. – Чего ты там еще наковыряла? Опять из архива? Та-ак, кто это вскрывал? А, Тимченко... Надо же, даже снимки все есть, экий аккуратист... Ну... ладно, ладно, погляжу.

– Семен Семеныч, – протянула она еще жалобнее. Даже носом для убедительности шмыгнула.

– Что, прямо сейчас? – хмыкнул тот. – Ох, Арина Марковна, ты точно смерти моей хочешь. Я и так в нынешнем году прямо ударник патологоанатомического труда. Еще и до

весны настоящей далече, еще ни одного «подснежника» не привозили, а у меня уже за полсотни перевалило. И тут ты еще... Ну давай, поглядим, что тут у нас.

«Подснежниками» именовались трупы, обнаруженные после схода снега. Их находили в дачных массивах и лесопарках, реже – среди гаражей. Большей частью это были замерзшие бомжи, но попадались среди мерзлых трупов и криминальные.

Некоторое время Плюшкин, нацепив очки «для чтения», изучал отчет судебного медика по делу о смерти маленького Вити Кашеева. Хмыкал, качал головой, бормотал что-то невнятное. Арина вся извелась, но с вопросами лезть боялась.

– Что я тебе, душенька, скажу? К вскрытию у меня претензий нет. В целом, – уточнил он, хмыкнув. – Тимченко – дядька аккуратный. Все разглядит, ничего не пропустит. Правда, насчет истолкования увиденного не так чтоб великий прозорливец, все у него от сих до сих, а смыслы пусть следователь ищет. Ну да тут-то случай, в общем, вполне очевидный. Удар по голове... чем-то с острой гранью, вроде угла стола или... было там на месте что-то в этом роде? Чего там в протоколе осмотра, изымали потенциальное орудие? Нет? Ну и ладно. Насчет угла стола – это мое личное предположение. И уж разумеется, не кулак, даже если с кастетом. Будешь искать – ищи стол, лавку какую-нибудь, шкаф с выступом.

– Там печка стояла, – осторожно предположила Арина. – Такая... нечто среднее между буржуйкой и голландкой.

– Тоже годится, наверняка там какие-то уголки-приступочки острые имеются. Хотя дело-то старое, чего ты сейчас там найдешь, там уж двести двадцать раз ремонт сделали и мебель новую поставили. В общем, дело так было: видишь, на левой щеке синячок? Слабенький такой, но разглядеть можно.

Арина вгляделась в снимок:

– Так у него же на виске след, разве не...

Плюшкин укоризненно pokrutil головой:

– Торопыга ты, торопыга. С чего бы здоровому мальчишке об угол виском прикладываться? Стукнул его кто-то, ну или оттолкнул, или оплеуху, может, дал, след в области левой скуловой кости как раз об этом нам и говорит. Оплеуха-то так себе, несильная, но пацан упал. И виском о какой-то угол ударился. Смерть наступила от внутричерепного кровоизлияния, явившегося следствием удара. Умер мальчишка быстро. Хотя насчет практически мгновенного наступления смерти я, пожалуй, с коллегой поспорил бы. По снимкам судя, я немного бы его сдвинул. Время то есть, с момента удара до наступления смерти. Не мгновенно мальчик умер. И вот тут еще, видишь... в дыхательных путях следы инородного вещества. И даже обозначено, где и сколько. И заметь, не во рту, не в ноздрах – там тоже есть, конечно, но это и понятно. А вот ниже... М-да.

– Инородного вещества?

– Пепел у мальчика в бронхах, вот что. Тимченко-то, видать, решил, что раз тело в печке лежало, то пепел вполне логичен. Но не в бронхах же! Впрочем, коллега мой разлюбезный на выводы не щедр. А вот следователь мог бы и задуматься.

– То есть... мальчик еще жив был, когда его в печку сунули? – Арина едва сама не задохнулась от такого предположения.

Семен Семеныч пожал плечами:

– Ну а как бы он еще мог пепел вдохнуть?

– Так он задохнулся, получается? – заторопилась она.

Но медик покачал головой:

– Нет, умница моя, признаков асфиксии нет. Если, конечно, Тимченко их не пропустил, но это очень вряд ли. Он, хотя на выводы и не горазд, но мужик дотошный. А уж чтоб асфиксию просмотреть, надо глаза себе завязать, иначе никак. Да и на снимках ничего похожего. Нет, причина смерти действительно удар по голове. Сперва пацан от этого удара сознание поте-

рял. Скорее всего. А несколько погода умер. Именно от удара по голове, точнее, разумеется, от вызванного этим ударом кровоизлияния. Но, предполагаю, не совсем сразу. Судя по тому как кровоизлияние успело распространиться, цвет опять же... ну за полчаса поручусь. Даже, пожалуй, и час возможен.

– Погодите, Семен Семеныч... но это же значит... мальчишку можно было еще спасти? Ну... если бы его не в печку сунули, а «скорую» вызвали?

– Не знаю, – медик пожал плечами. – Если бы сразу начали интенсивную терапию, да успели довести до стационара, да к хорошему нейрохирургу повезло попасть... что, сама понимаешь, есть вопрос удачного стечения обстоятельств. Но... да, возможно. И даже вполне может быть. Да ты сама погляди!

Разглядывать снимки Арина не стала – чего их теперь разглядывать, если Плюшкин все сказал. В голове настойчиво билась жутковатая в своей непоправимости – уже непоправимости – мысль: если бы Софьин приятель со смешной фамилией Гулявкин, испугавшись при виде бездыханного детского тельца, не стал бы спяну и в панике совать это самое тельце в печку – вот уж дурак-то, неужели действительно спрятать хотел? – если бы у него голова в этот момент работала чуть лучше, не исключено, что маленький Витя Кашеев был бы все еще жив.

Безропотная Соня, которую совсем еще недавно Арине было искренне жаль, теперь вызывала куда меньше сочувствия. Если бы ее приятель был не настолько тупым, если бы не напился до отключения мозга, если бы, если бы, если бы... Может, и прав Кашеев, что держит жену в ежовых рукавицах? Есть за что. Правда, это он еще не знает, что Витя мог бы выжить. И лучше бы ему этого так и не узнать...

* * *

Звонок у калитки кашеевского дома был не то чтобы совсем новый, но – чистенький, аккуратный, проводочки спрятаны, из зеленой, под цвет ворот, коробочки весело сияла беленькая кнопочка. Нажатие отозвалось в доме слабой, но мелодичной трелью. Арину накрыло ощущение дежавю: так же она нажимала кнопку звонка у той питерской калитки. Только тот дом подслеповато щурился сто лет немытыми окнами, а этот – бодро сиял прозрачным блеском чистых стекол. Но, как и тогда, в Питере, здесь, в кашеевском доме на звонок никто не отозвался. Калитка, когда Арина ее толкнула, не подалась. Только за тюлевыми шторами мелькнула темная тень.

Или показалось?

Передернувшись, чтобы прогнать неприятное ощущение, Арина позвонила в соседнюю калитку. Открывшая ей полная румяная женщина звалась Тамара Степановна, и поговорить была не то что готова, а прямо-таки рада. Да и то сказать; какие у нестарой еще, но одинокой пенсионерки развлечения – кроме телесериалов да сплетен? Даже если сплетни не злые, а совсем наоборот. Это, наверное, от человека зависит, подумала Арина: кто-то видит грязную лужу, а кто-то – весеннее солнце над ней. И любители перемыть соседские косточки так же: один сосредотачивается на самых неаппетитных подробностях – скажешь гадость, сердцу радость – другой же наоборот, видит в людях сплошные добродетели. Кашеевская соседка относилась к вторым. И рассказывала очень охотно:

– Ой, такой добрый... Хотя и рос не в царских палатах, их дом во-он там, в соседнем переулке, Зинаида там сейчас одна управляется. Отец-то их бросил, когда Фимке лет восемь, что ли, всего было, нашел себе помоложе да покрасивее. Правда, помогать помогал, только Зинаида всегда говорила – копеечки от него не возьму, чтоб он сдох под забором. И ведь как в воду глядела. Он после одной крали другую нашел, потом еще одну – правду говорят, седина в бороду, бес в ребро. Да силы-то уже не молодые, вот у него удар и случился. Прямо на улице, а люди думали – пьяный лежит. Под забором, как Зинаида и кляла. Когда поднимать-то его

стали, а он уж холодный весь. А дом-то вот этот вот, – она махнула рукой в сторону соседнего дома, – его, раз Федор ни на одной из своих краль не женился, дом Фимке достался.

– Серафиму Федоровичу?

– Ну да. Он как с армии вернулся, так от матери и съехал. Ее-то дом хоть и рядышком, а все ж отдельное жилье. Да и хороший дом, получше, чем у Зинки, Федор-то рукастый был, все сам мастеровал, въехал в халупу-развалюху, а хоронили когда, дом справный уже такой стоял – чисто терем, на загляденье. Да и Серафим Федорович в отца удался, то тут починит, то там приладит чего. Аккуратист!

Бесконечные излияния о том, какой хороший был мальчик Фима, какой тихий, какой вежливый и послушный, каким стал мужчиной приличным, не то что некоторые, казалось, могут тянуться бесконечно. Арина вежливо поддакивала, охала и ахала, кивала и разве что руками, изображая заинтересованность, не всплескивала. Только минут через пятнадцать удалось свернуть разговор в нужную сторону – вставив в одну из кратких пауз сочувственную фразу на тему: вот ведь даже такому приличному человеку и так не повезло, экая трагедия.

Тамара Степановна же вместо ожидаемой порции охов и вздохов поджала губы:

– Переживал он, да, ничего не скажешь... Хотя мог бы и не принимать так-то уж близко. Витя-то ведь, может, и не его был, а он все равно...

– Как – не его? – изумилась Арина.

– Да ну! – соседка пренебрежительно махнула крепкой мозолистой ладонью. – Сонька ж вокзальная, и даже когда Серафим Федорович ее пригрел, отмыл, обиходил – все равно. Ну вы ж понимаете? Свечку я не держала, и вела себя она тише воды ниже травы, да только в тихом-то омуте – знаете, что? Шалава – она всю жизнь шалава. Не везло ему, в общем.

Скрюченная в углу студийного дивана фигурка, которую Арина помнила, была совсем о другом, совсем не о чертях, что водятся в тихом омуте. Но соседям, ясен пень, виднее. Соседи даже не подумают задаться вопросом: а чего это «невезучий» мужик не подыщет себе наконец кого попримечнее, а продолжает пригревать вокзальных побродяжек? Таких, кто, весьма вероятно, станет тянуться к прежней вольнице. Но соседи будут одновременно восхищаться добротой благодетеля, осуждать благодетельствованных за отсутствие благодарности и прочие, реальные или надуманные грехи. И, разумеется, искренне сочувствовать «невезучему».

– И много таких тут побывало? – поинтересовалась Арина. – Ну раз вы говорите «не везло».

Тамара Степановна углядела в вопросе нападение на обожаемого Серафима Федоровича и рьяно кинулась на защиту. Точно в соответствии с Ариными размышлениями:

– Что ж ему, век бобылем вековать? И ведь такой добрый, такой заботливый! Приведет бедняжку – голодную, холодную, а то и с синяками, отогреет, откормит, приоденет – ну все для нее. А бедняжка после – фьюить, хвостом махнула и усвистала. И так каждый раз. Сонька-то задержалась, потому, надо быть, что Витенька родился, да толку?

Арина вздохнула:

– Вы хоть кого-нибудь помните? Из тех, кого он до нее приводил?

– Чего это вам эдакое знать понадобилось? – еще подозрительнее нахмурилась соседка. – Ну Лерку помню, на нашем рынке сейчас стоит, шалава та еще, сразу ясно было, что не приживется. Ну эту вроде помню, как ее, чернявая такая, не то Алина, не то Ангела, тоже... – она сплюнула. – Детдомовская была, ну сама так говорила, сказала, родню какую-то отыскала, и уехала. Может, и наврала, эти девки – они такие! Ну кого еще?

Соседка назвала еще три-четыре имени, Арина аккуратно записала, понимая, впрочем, что смысла в этом нет, вся информация состояла из «может» и «вроде бы. Но бывают же еще и «а вдруг»?

* * *

Покинув словоохотливую соседку, Арина бросила еще один взгляд на кашеевский дом. За чисто промытыми стеклами совершенно определенно кто-то двигался. Соня? Нет, пожалуй, нет. Темная, едва различимая фигура была довольно высокой. Должно быть, сам хозяин.

Она подошла к калитке, ткнула в беленькую кнопочку. Звонок был слышен отчетливо, но, как и час назад, распахивать перед Ариной двери никто не спешил. Она позвонила еще раз, потом толкнула калитку – та начала открываться. Медленно, неохотно, словно держал ее кто. Должно быть, в прошлый раз я ее слишком слабо толкнула, подумала Арина, не веря сама себе, потому что час назад калитка совершенно точно была заперта! Что за чудеса? Кашеев играет в какую-то странную игру? Или все проще? Вот эти следы возле калитки – явно от коляски. И, кажется, в прошлый раз их не было. Соня пошла гулять с маленькой Викой? Арина огляделась: ни Сони, ни коляски видно не было.

Впрочем, какая разница! Главное – сейчас калитка открыта. Можно не топтаться под забором, а подняться на крыльцо, постучать, попроситься «поговорить».

Кашеев, конечно, ее и на порог не пустит, и разговаривать наотрез откажется, потребует какой-нибудь «ордер» предъявить, даже наглубить может. Но, с другой стороны, ну и наглубит, ну и не пустит, ну и откажется... но почему бы не попытаться? Как говорят, наглость – второе счастье. С крыльца спустит? Ну так оно низенькое, не страшно.

Поразил ли Кашеева ее наглость или была тому иная причина, но с крыльца он Арину спускать не стал. Особого радушия не проявил, но кивнул и плечом повел:

– Проходите.

И это вместо ожидаемого «пошла прочь» или, в лучшем случае, «приходи с ордером»! А он, вишь ты, «проходите».

Дом был и впрямь, как выразилась соседка, справный. Терем не терем, но – все ладно, добротнo, нигде ничего не хлябает, все пригнано. И – очень чисто. Вымыто, выскоблено, практически вылизано. Чьими руками, подумала Арина, эта чистота поддерживается? Не сам же хозяин полы и окна надраивает. Соня, конечно. Как успевает – с маленькой Викторией на руках?

Арина присела было, чтобы расшнуровать ботинки, но Кашеев, глядя сверху, двинул бровью – и она остановилась. Еще одно движение брови явно повторяло предыдущее приглашение: проходите. Идти по вымытым до блеска полам в уличных ботинках Арине было неловко, но хозяину же лучше знать?

Справа от просторной прихожей (назвать ее сенями язык не поворачивался) отходил коридорчик, ведущий, видимо, в кухню, слева темнели две закрытые двери. В левом дальнем углу сияла светлым деревом лестница на второй, мансардный этаж. Прямо, между лестницей и коридорчиком, дверь была двустворчатая.

Комната за ней вдруг напомнила Арине кукольный домик, которым очень гордилась одноклассница Татка. К ней и в гости ходили – посмотреть на домик. Мебель и прочие детали интерьера воспроизводили «взрослые» с фантастической, невероятной точностью. Ювелирная работа! Реальные диваны и стулья казались потом грубыми, неправильными. Играть с этим совершенством было, разумеется, невозможно – только смотреть и восхищаться. Диваны, стулья, кресла, столы и банкетки располагались в том же ювелирном порядке, даже занавески на маленьких окнах висели строго симметрично.

Кашеевская гостиная производила точно такое же впечатление: каждый предмет располагался на своем месте с точностью не то что до миллиметра – до волоска. Хотя никаких волосков или, боже упаси, пылинок, тут, разумеется, не было.

Должно быть, именно из-за этого ощущения ювелирной идеальности обстановки, хозяин казался крупнее, чем тогда, в студии. Он словно заполнял собой все пространство. Арина, при-

строившись на краешек дивана – странного, с резными деревянными подлокотниками и высокой жесткой спинкой – чувствовала себя маленькой, незначительной и... отвратительно лишней. Ботинки, которые хозяин не разрешил снимать, были чистыми, но в нарезке подошв остался снег, который теперь растаял, образовав на чистом полу две лужицы. Маленькие и даже не сказать чтобы грязные – но настолько неуместные посреди окружающей идеальности, что Арине стало стыдно. Она старалась не смотреть на Кашеева, но все равно чувствовала его взгляд – холодный, почти безразличный, удивительно тяжелый. Господи, что я тут делаю?! Как муха в чае: и самой неудобно, и окружающим противно. И ведь я его еще расспросить о чем-то намеревалась – о чем, господи боже мой?! Ни единой мысли в голове!

Но молчать было настолько глупо, что становилось уже невыносимо, и она задала какой-то вопрос из тех, что звучали в студии:

– Серафим Федорович, вы удовлетворены результатами суда?

– Нет, – короткое слово упало с той же холодной тяжестью.

Как ртутная капля, подумала Арина. Вот что напоминает его взгляд – ртуть. Только без блеска.

– Вы по-прежнему вините в произошедшем Соню?

– Я ее простил.

Ни малейшей искры не сверкнуло в холодном тяжелом взгляде. Ведь речь о смерти сына! Сожаление? Гнев? В студии Кашеев очень убедительно гневался. А сейчас – ничего. Только смотрит. Как удав на кролика. Или не удав? Доисторический ящер, уже миллион лет как мертвый.

Единственной живой – и вполне человеческой – деталью его поведения была привычка грызть зубочистки. Прозрачная пластиковая баночка на ослепительно белой скатерти казалась стеклянной. Впрочем, может, она и была стеклянной. Кашеев не глядя извлекал из баночки очередную «щепочку», сжимал крупными, чуть желтоватыми зубами и замирал. Но через минуту зубочистка – уже изжеванная – отправлялась в плоскую хрустальную вазу и цикл начинался заново. Несколько зубочисток упали на пол, Кашеев не только не стал их поднимать, даже не взглянул. Арина наблюдала за странным действием как завороченная. Хоть и пыталась задавать еще какие-то вопросы, но все больше и больше чувствовала себя одной из перемолотых крупными зубами зубочисток.

Нет, довольно!

Она нагнулась, словно для того чтобы перевязать шнурок – тяжелый взгляд уперся в ее макушку, и Арине вдруг показалось, что она сейчас упадет с жесткого угловатого дивана. Ударится коленями – и так и останется коленопреклоненной, такая же беспомощная, как валяющаяся возле правого ботинка раздавленная зубочистка.

Стараясь не встречаться с хозяином глазами, она выпрямилось:

– Мне пора. Спасибо, что уделили время.

Он поднялся со стула – и только сейчас в глазах как будто что-то мелькнуло: раздражение? Удивление? Недовольство?

Арина спустилась с крыльца – три низких ступеньки – дошла по тщательно вычищенной дорожке до калитки, вышла на улицу.

Как будто все это ей снилось. Как будто она все еще сидела в идеально чистой, похожей на экспозицию мебельного магазина комнате. Она сидела, а он на нее смотрел. Просто смотрел. И ничего не было, кроме этого взгляда. И самой Арины тоже не было. Осталась пустая оболочка. Как мертвая бабочка на булавке. Марионетка на ниточке. Кукла.

В себя ее привела раскатистая трель будильника.

Но – как? Что?!

Она вовсе не сидела в кашеевском доме. Она стояла на улице метрах в двадцати от него. И не будильник заливался так раскатисто – телефон!

С экранчика улыбалась и показывала язык племянница Майка.

– Арин, можешь сейчас приехать? – голос ее звенел. – Приезжай, пожалуйста!

– Что случилось? Ты где?

– Я в школе. Они говорят, что я воровка.

* * *

Майкина школа, сорок лет назад выстроенная стандартной буквой «н» – три гигантских белых «кирпича» с блестящими полосами бессмысленных в нашем климате просторных окон – со временем обросла многочисленными пристройками и выступами, превративших скучно минималистическую конструкцию в подобие собранного из лего лунохода в кратере меж окружающих его пяти, девяти- и двенадцатизэтажек. Поутру сбежавшиеся от них многочисленные дорожки и тропинки, заполненные ребятей, выглядели, должно быть, веселыми разноцветными бусами. Но сейчас тут было пусто, даже охранник от входа куда-то отлучился.

Только посреди пустынного гулкого холла ссорились двое детишек. Или, может, не ссорились, подумала Арина, кто их знает, как у них нынче принято разговаривать. Майка – не показатель. Но парочка была примерно племяшкиного возраста, первый класс, максимум второй. Девочка в яркой пестрой куртке, узких джинсиках, ослепительно белых высоких кроссовках (к правой прислонился клетчатый по-шотландски ранец) была очень хорошенькая, прямо фея. Очень хорошенькая и очень сердитая. Голубые глазщи в обрамлении пушистых ресниц сверкали, нежные щечки заливал румянец, капризно изогнутый рот кривился в презрительной гримаске:

– А ты будешь ей передачи носить!

Да, все-таки детишки ссорились. Причем не как дети, а вполне по-взрослому. Горшки об стенку и кухня пополам, как говорила покойная Аринина бабушка. Девочка подхватила свой шотландский ранец, метнула в своего противника очередную молнию из-под ресниц и шагнула было к дверям. Но темноволосый мальчик в расстегнутом оранжевом пуховике, с перекинутым через одно плечо камуфляжным ранцем, недвусмысленно перекрыл ей дорогу.

На фоне просторных школьных дверей – не двери, а натурально ворота – маленькая оранжевая фигурка выглядела смешно. И почему-то трогательно. Но место мальчик занял правильно: спиной к линии соединения створок и трубам-рукояткам рядом.

«Хорошо», – что я уже вошла, подумала Арина.

– Пропусти! – скомандовала девочка, но оранжевый мальчик только головой чуть качнул.

– Иди и скажи...

– Вот еще! – нежный подбородок высокомерно вздернулся.

И тут у Арины все вдруг сложилось: Майкино «они говорят, что я воровка», девочкино «передачи будешь носить» и финальное – «иди и скажи».

– Вы, случайно, не из первого «б»? – миролюбиво улыбнулась она.

– Ну! – девочка взглянула на нее с тем же высокомерием.

Мальчик промолчал, только глядел выжидательно.

– Где тут у вас кабинет психолога? – уже после разговора с Майкой Арина поняла, что понятия не имеет, где базируется школьная психологиня, равно как и то, почему разборку проводит именно эта персона, а не директор или хотя бы завуч. Но перезванивать не стала, решив, что на месте разберется.

– А вы, что ли, Майкина мамочка? – фыркнула голубоглазая фея.

Ответить Арина не успела.

– Что тут происходит? – строго осведомилась крупная дама в просторном бордовом костюме (если бы не ультра-короткая, почти вызывающая стрижка и тяжелые кольца на длинных ровных пальцах, Арина решила бы, что это школьный повар) и тут же улыбнулась. – Про-

стите, я могу чем-то помочь? – и сразу же, без паузы, повернулась к детям. – Мила, почему ты еще здесь?

– Он меня не выпускает!

– Коренев, в чем дело? Немедленно отойди от двери. И сам, кстати, домой иди.

– Пусть она сперва признается!

– Коренев!

– Минутку, – вмешалась Арина. – Моя фамилия...

– Арина!

По уходящему вглубь школы коридору застучали шаги – бегала Майка быстро. Впрочем, она все делала быстро. Вот только что была цветным пятнышком в уходящем вдаль светлом проеме – и вот она уже здесь, и слова льются стремительным потоком, без малейшего внимания к возгласу бордовой дамы «Вершина, почему ты покинула кабинет?»:

– Милка сказала, что я к ней в рюкзак лазила, и Мирабель велела родителей вызвать. Ой, простите, я хотела сказать Мирабель Леонтьевна, – в голосе Майки не звучало ни намека на сожаление.

Арина подавила смешок. Мирабель Леонтьевна, подумать только! Видимо, это и есть школьная психологиня.

Та попыталась взять ситуацию под собственный контроль:

– Очень хорошо, что вы так быстро приехали, – она кивнула Арине одобрительно, но строго. – Дети, которым приходится долго ждать, чувствуют себя заброшенными, это наносит серьезную травму детской психике. И в первую очередь я должна вас предупредить, чтобы вы ни в коем случае не устраивали домашних репрессий. Не ругали бы, не наказывали тем более. Каждый ребенок время от времени берет что-то без спроса, что-то чужое, это нормальный этап становления. И наша задача – мягко объяснить маленькому человеку, почему так делать не следует, помочь ему понять себя, чтобы единичный инцидент не стал источником...

Голос у психологини был приятный. Очень приятный. Хорошо поставленный, мягкий, уютный – округлый, как сама его обладательница. Арина пожалела, что у нее в сумке нет лимона: вот бы вытащить и откусить при всем честном народе – чтобы эту уютную (если бы только не «военная» стрижка!) кондитерскую физиономию перекосило. Не ругать, значит, и не наказывать? Ах, милая Мирабель Леонтьевна, считающая меня Майкиной мамой! Да откуда бы я вообще узнала, что Майку следует (или не следует) за что-то ругать или наказывать, если бы ты, госпожа психолог, не устроила тут цирк с конями?

– Мы сейчас вернемся в мой кабинет и спокойно во всем разберемся, – завершила наконец свой монолог госпожа психолог. – Мила, ты можешь идти.

– Нет, – произнесла Арина негромко, но так, что дернувшаяся было к дверям сердитая фея застыла на месте. Психологиня же поглядела на визитершу с недоумением. – Думаю, Мила пока останется, – с той же интонацией пояснила Арина. – Она ведь непосредственный участник события, я правильно понимаю?

Бордовая дама слегка оторопела:

– Но зачем... Она все уже рассказала. Теперь нужно, чтобы Майя вернула чужое, – оживившись, она взглянула на Майку строгим, но в то же время ободряющим взглядом. Вроде как она – священник, подумалось вдруг Арине, а мы тут – паства, коей требуется пастырь. Добрый пастырь. Иди и больше не греши. Но Майка-то! Если психологиня ожидала, что после ее слов девочка голову или хотя бы глаза виновато опустит, то – просчиталась. Майка смотрела спокойно и открыто.

– Итак, – Арина продолжала говорить безлично-официальным тоном. – По словам Милы, Майя залезла в ее ранец и что-то оттуда взяла. Что, кстати?

– Деньги, конечно! – фыркнула фея.

– Ясно. В таком случае Мила – не только свидетель, но и потерпевшая. Поэтому ее присутствие совершенно необходимо.

– Вы... юрист? – слегка растерянно спросила бордовая дама с невероятным именем.

Арина кивнула. Дама вдруг опять приободрилась:

– Но поймите, это же дети! Ваш юридический опыт не имеет сейчас... не должен иметь... мы должны думать о том, чтобы не нанести своими действиями травму...

«Значит, обвинять одну девчонку в воровстве на основании слов другой девчонки – это не травма», – подумала Арина, едва сдержавшись, чтобы не произнести этого вслух.

Психологиня, должно быть, приняла ее краткое молчание за слабость и ринулась развивать атаку:

– Может, вы и полицию предложите вызвать?

– Кстати, неплохо бы, – почти лениво произнесла Арина. – Не то чтобы именно полицию, но в целом ход мысли правильный.

Оранжевый мальчик тихонько спросил о чем-то Майку. Должно быть, что-то вроде: твоя мама правда юрист? Потому что племяншка, гордо расправив плечи, шепнула: «Следователь!» Громче, чем надо бы, шепнула, психологиня явно услышала. Арина предпочла бы раскрыть карты попозже, но что ж, пусть так.

– Я сейчас позвоню одному хорошему человеку, – любезно улыбнулась она. – Он эксперт-криминалист. Это немного не по правилам, но нам же не обвинительное заключение готовить, нам лишь ситуацию прояснить. Сейчас у нас имеются слова Милы против слов Майи. Но ведь очень легко выяснить, есть ли у Майи какие-то чужие деньги.

– Да она их давно в свой кошелек сунула, теперь поклянется, что они ее собственные! – с нескрываемым удовольствием заявила «фея».

– Милка, ты совсем, что ли, тупая? – почти радостно вмешался оранжевый мальчик. – Если деньги твои, на них твои отпечатки будут. То есть должны быть. А если нет, значит, ты врешь. Так? – он взглянул на Арину.

– Еще проще, – улыбнулась та. – Майя, ты брала рюкзак Милы?

– Даже не прикасалась! – торжествующе заявила племяншка.

– Значит, не нужно в деньгах копаться. Если на рюкзаке Милы нет Майиных следов, обвинение в краже не просто исчезает, а плавно превращается в обвинение в клевете. Понимаете, Мирабель Леонтьевна? Девочка все выдумала, а вы принялись... разбираться.

– Но зачем ей такое выдумывать? – на скулах психологини запылали два резких, точно карандашом очерченных красных пятна.

– Каждый ребенок время от времени что-нибудь выдумывает, – Арина не отказала себе в удовольствии вернуть психологине ее же тезис. – Некоторые сказки сочиняют, а некоторые... вот такие истории. И нам важно мягко объяснить маленькому человеку, почему так делать не следует.

– Подумаешь, следователь! – оказывается, Майкину реплику услышала и фея. – Моя мама – судья, а судья главнее следователя! Она вас всех в тюрьму посадит!

Боже, ну и каша в голове у девчонки! Неужели мать-судья (в этом-то Арина ни на мгновение не усомнилась) позволяет себе дома подобные высказывания?

– Это очень спорно, – мягко ответила она. – Пока у нас два варианта развития ситуации. Вариант первый. Мила говорит что-нибудь вроде: простите, Мирабель Леонтьевна, я ошиблась, мне показалось... Ну и перед Майсей извиняется.

– Не надо мне ее извинений! – буркнула Майка. Только тут Арина вдруг вспомнила, что ей всего-то семь лет. Умна, конечно, не по годам, но масштабы планирования не те.

– Тебе – нет, – она быстро, незаметно подмигнула племяншке, и та, похоже, поняла, кивнула, так же незаметно. – Второй вариант. Я звоню эксперту и мы проверяем на отпечатки рюкзак Милы.

– Да кто вам позволит так над ребенком измываться? – в дверях стояла квадратная, как бульдозер, дама в коротком норковом полушубке и норковой же шапке. Оранжевый мальчик, которого просто отшвырнуло распахнувшейся створкой, пошатнулся, но, сделав пару шагов в сторону, устоял.

– Людмила Афанасьевна... – пролепетала явно испуганная психологиня.

– С кем имею честь? – вежливо осведомилась Арина.

– Да какая тебе еще честь?! – голос у обладательницы норковой шубы был зычный, почти пронзительный. – Забирай свое отродье и молись, чтоб про вас забыли! Знаешь, кто моя дочка? Она быстро на тебя дело заведет, поедешь на Колыму комаров кормить!

– Вы бабушка Милы?

– Я-то бабушка. И нечего тут всякой швали над моей кровинкой измываться. Пойдем, Милочка, мама их всех в тюрьму посадит.

– Людмила Афанасьевна, – остановила ее Арина. Тем самым негромким, но очень убедительным «юридическим» голосом.

Та, кстати, послушалась. Отпустила внучку, воззрилась на Арину недовольно:

– Чего надо?

– От вас – ничего. Только, когда дома будете, спросите у дочери, кто именно дела, как вы выражаетесь, заводит. Ну и насчет публичной угрозы неправосудных решений тоже спросите. Думаю, дочка вам объяснит, чем это грозит – ей грозит, не вам. А тебе, Мила, придется выбрать один из вариантов. Потому что обвинение было озвучено. Причем не в частном разговоре, а публично, да еще и с привлечением официальных, так сказать, инстанций в лице Мирабель Леонтьевны. Полагаю, все ваши одноклассники в курсе уже? Значит, обвинение должно быть снято не только публично, но и доказательно. Собственно, ты можешь идти с бабушкой. Но вот рюкзак придется оставить. Мирабель Леонтьевна выступит независимым свидетелем. Отпечатки – это быстро.

Она метнула быстрый взгляд в сторону оранжевого мальчика, который уже успел под шумок отволочь «шотландский» ранец в сторонку. Грамотно, кстати, отволол, взявшись за верхнюю ручку через пуховик. Толковый мальчик.

– Да кто вам позволит с ребенка отпечатки снимать? – возмутилась дама-бульдозер.

– Мне и не нужно, – улыбнулась Арина. – Криминалист легко отпечатки хозяйки отсеет, ими же внутри все усыпано. И завтра весь класс будет ознакомлен с итогами этой экспертизы. Дабы не оставалось недомолвок.

Мила, глядя в пол, молчала.

Людмила Афанасьевна, как ни странно, тоже.

Алевшие на психологининых скулах пятна расплзлись, и теперь ее щеки по цвету почти соперничали с ее костюмом. Арине подумалось, что, обрисовывая два варианта развития ситуации, надо было еще и этой... специалисту по детской психологии на извинения намекнуть. Но, может, и хорошо, что не намекнула. Если Мирабель, господи боже мой, Леонтьевна – не дура, а просто рьяная идеалистка, сама сообразит, а если – дура, то намекай не намекай, толку не будет. Скорее даже наоборот. Может и злобу затаить, а Майке в этой школе еще учиться.

С минуту белокурая фея кусала губы, потом покашляла, сглотнула, расправила плечи и тихо, но внятно произнесла:

– Я ошиблась, Мирабель Леонтьевна, мне очень жаль, – и, повернувшись к Майке, уже почти совсем не слышно буркнула. – Извини.

– Мне очень жаль, – повторила психологиня. – Извини, Майя.

– Принято, – кивнула та, и Арина опять восхитилась племяншкой: в подобной ситуации другая, к примеру, эта вот сердитая фея наверняка воспользовалась бы возможностью потоп-

таться на поверженном противнике. А Майка – молодец. Хотя пришлось ей сегодня несладко. Стойкий оловянный солдатик.

– Прости, Арин, – вздохнула девочка, когда они уже шли в сторону дома.

– Боже, Майка, за что?

– Ну... сама не справилась, шум подняла, кинулась тебя звать, – она с размаху пнула подвернувшуюся льдышку.

– Ты, знаешь, лишнего-то на себя не бери, угу? А если ты увидишь пожар? Сама тушить кинешься или пожарных вызовешь?

– Так то пожар... – протянула Майка, но в голосе уже появилось что-то похожее на сомнение.

– Сегодня был вполне пожар, – Арина старалась, чтобы ее собственный голос звучал максимально спокойно. – Ты изумительно справилась. Я, честно, тобой восхищалась.

– Было бы чем...

– И было, и есть. Что же до шума, который ты якобы подняла, не забывай, это просто моя работа.

– Но ведь твоя работа – ловить злодеев.

– Иногда, чтобы поймать злодея, приходится для начала очистить от подозрений невиновного.

– А разве... Разве бывает...

– Не надо, Май, – перебила Арина. – Все ты понимаешь. В школе тоже не должно бы происходить ничего такого, как сегодня. Но – случается. И судебная система не всегда безупречна, иногда она дает сбои. Но, – Арина даже остановилась, чтобы повернуться к племяннице лицом к лицу. – Сегодняшняя ошибка твоей Мирабель Леонтьевны не основание отменять должность школьного психолога. Ошибки бывают всегда и везде, это проблема любых сложных систем. И уж тем более тех, которые работают на человеческом факторе.

– Как с прививками? Ну помнишь, когда нам эту, как ее, бэцэжэ кололи, а Жанкина мамочка прибежала в школу скандалить, чтоб от ее деточки отстали, потому что от прививок даунами становятся и вообще от них сплошные осложнения и никакой пользы. Ты мне объясняла, что осложнения бывают – в одном случае на миллион, ну или на сто тысяч, не помню, а если прививок не будет, болеть будут все. Или половина.

– Похоже, – засмеялась Арина. – Прививки, судебная система или хотя бы правила поведения за столом существуют не для того, чтобы превратить нашу жизнь в рай, этого не может ни одна система. Но не дать жизни превратиться в ад – может. Для этого любая система правил и существует. Ох, – спохватилась вдруг она. – Что это я с тобой, как на митинге, ей-богу.

– Нет, правильно. Я не думала, что все так сложно.

– И не думай, рано тебе пока таким голову грузить.

– Я буду думать... понемножку. Знаешь, я так удивилась, когда Мирабель тоже извинилась.

– Вот видишь. Получается, она вполне вменяемая. Ну сглупила, с кем не бывает.

– И с тобой, что ли?

– Все, заяц, пришли, делаем веселые лица.

* * *

– Все человека из меня хотел сделать, – хмыкнула Лера.

Та самая, что, уйдя от Кашеева, пристроилась работать на рынке «под Ахметом», так что отыскать ее оказалось нетрудно. И уговорить побеседовать – тоже. Да и уговаривать не пришлось.

– А вам не нравилось, что из вас... человека делают?

Лера махнула рукой с длинными черно-оранжевыми ногтями, тряхнула трехцветной, выкрашенной перьями, головой, фыркнула, по-кошачьи сморщив нос, украшенный тремя серебряными колечками:

– Это типа меня должно оскорблять, что меня за человека не считают? – воздух опять прочертили черно-оранжевые ногти. – Не! Это фигня! Я ж тогда и была – не человек, а так, ошметок, побродяжка вокзальная. Серафим Федорыч и кормил меня, и одевал, и книжки читать заставлял. Правда, скучные всякие, но полезные. Он так говорил.

– Чего ж вы ушли-то от него, раз он такой хороший?

– Да ну! – носик сморщился так резко, что украшавшие его колечки звякнули. – Не, сперва-то, ясный пень, радовалась, вот, думаю, счастье привалило: и дом у мужика собственный, и не пьет, и вообще. А после... вот хоть в петлю, веришь?

– От счастья, что ли? – съехидничала Арина.

– Да на кой сдалось такое счастье, когда все по правилам? Ни минутки вздохнуть. На рынке стоять тоже, конечно, не курорт, но хоть все понятно: пришла, товар выложила, день отстояла, выручку сдала – и пошла на все четыре стороны. Хоть в кино, хоть куда, ночевать хоть вовсе не приходи, никто никому слова не скажет. Квартиру мы с девочками вскладчину снимаем, тут недалеко и недорого совсем выходит. А если кому надо место... ну вы понимаете?... у нас расписание, мы договорились: по два вечера в неделю у каждой, а один день общий, чтоб не обидно. Так что если надо – пожалуйста. Хоть каждый раз нового зови, хоть постоянного заводи.

Арине стало смешно и почему-то неловко – так обстоятельно Лера докладывала о подробностях своей жизни, не самой, если вдуматься, легкой. А она ничего, не жалуется. Да и откуда возьмутся жалобы, если в недолгой этой жизни, как говорится, «ничего слаще морковки» не встречалось. И возможность ночевать под собственной крышей, куда вдобавок можно «кого угодно» привести, кажется феерической свободой.

– И часто вы кого-то приводите?

– Да не, – Лера опять отмахнулась. – Это мы просто договорились, а вообще-то за день так умотаешься, что только бы поспать уже. Даже в кино неохота. В клубы несколько раз ходила с Галькой из соседнего ларька, только не понравилось: шум, грохот, все скачут как бешеные, подходят, на танцпол тащат, а какой танцпол, когда до этого и так целый день на ногах?

– Тогда я тем более не понимаю, зачем вам было от Кашеева уходить?

Девушка с минуту подумала:

– Ну, первое дело, он работать не позволял – сиди дома, вари обед, наводи чистоту. Вроде и хорошо – в тепле и все такое. Только выматываешься хуже, чем на рынке. Потому что все время думаешь: так ли все сделала, не забыла ли чего. Если непорядок какой, он ведь... у-у-у... – она покрутила головой.

– Что, бил? – участливо подсказала Арина.

– Да нет, что вы. Бить не-пе-да-го-гич-но, – по слогам выговорила Лера. – Он же из меня человека делал. Воспитывал типа.

– Воспитывал? Типа нотации читал? – Арина невольно приноровилась к Лериной манере выражаться.

– По мелочам если – нотации, а так угол ставил.

– В угол? – переспросила, не веря, Арина и вдруг уточнила, сама не понимая, откуда, из каких книжек по психологии сексуальный перверсий это уточнение прыгнуло на язык. – Нагишом?

– Чего это нагишом? – фыркнула Лера. – В одежде. Но в угол! Ну как детей ставят, только не носом в стену, а наоборот. Вроде как я совсем недоразвитая. Стой, говорит, и думай над своим поведением. Стоишь, стоишь, в глазах уже мушки, колени подгибаются, а к стенке нельзя прислоняться – сразу велит еще два часа стоять.

– И часто он вас так вот – в угол ставил?

– Сперва каждый день, потому что я ж правда все не так делала. То полы плохо отмыты, то картошка недосолена, то ведро мусорное открыто... Ну вот варю я типа борщ, картошку чищу, морковь, лук. Они же не одновременно, да? И как чего почистишь, надо сразу крышку. А после этого руки с мылом и тогда уже резать, а потом морковь чистить, и опять. Но можно ведь крышку и открытой оставить, все равно же ее через пять минут открывать придется, правда?

– Логично.

– Да ну, логично! Сразу плюется, что я свинья, что рядом еда и помои, что... Он же грязи вообще не терпит, глаза останавливаются, как будто не в себе... а! – она опять махнула черными оранжевыми ногтями.

– И сразу в угол? – догадалась Арина. – Или что?

– Прямо! – Лера усмехнулась, помолчала, как будто прикидывая, стоит ли делиться подробностями. – Ведро на голову...

– Как – на голову? – опешила Арина.

– Ну вот так, – девушка показала. – Потом скривится весь, сплюнет и стоит глядит, пока все не уберу до крошечки. А уж после в ванную тащит. За шкурку, как кутенка нагадившего. И сам из душа поливает, душ на вытянутой руке держит, а сам подальше встанет, типа брезгует. Ну а если не мусор, а чего посерьезнее, тогда в подвал.

– В подвал? Зачем?

– Да тоже... подумать о своем поведении. Ну типа люди ж себя так не ведут, так что к ошейнику пристегнет и сиди там. Типа собачка провинившаяся. Или хрюшка в свинарнике.

Арина не верила своим ушам:

– И долго... сидеть?

– Да когда как. Когда час, когда до завтра. Потом придет, платье кинет – одевайся, иди делом займись, хватит бока отлеживать.

Лере воспитательные экзекуции Кашеева, похоже, не казались чем-то запредельным. Да как человек вообще может позволять такое с собой делать, с ужасом подумала Арина, но тут же одернула сама себя: не суди. Ты же не знаешь, какие у этой девушки были родители, может, в родном доме они друг друга вообще смертным боем лупили. Если, конечно, такой дом можно называть родным... впрочем, из домов, полных тепла и любви, девчонки не сбегают. Не пополняют собой когорты вокзальных, гм, обитательниц.

Сглотнув подступивший комок, Арина почти спокойно уточнила:

– Платье? Он что же, в подвале вас запирает прямо без ничего?

– Ну да, потому что одежду только люди носят, а люди так себя не ведут, люди все правильно должны делать, иначе они не люди. А! – воскликнула вдруг Лера. – Вы про нагишом спрашивали, потому что думаете, что он – сексуальный маньяк?

– Ну не то чтобы... но как-то это все странно...

– Не, – наморщив носик, она замотала головой, – он просто весь насквозь правильный, а никакой не маньяк. Он даже когда... ну... это самое... ну вы понимаете? – для бывшей вокзальной побродяжки, а ныне рыночной ларечницы Лера демонстрировала удивительную стеснительность. – Ну так никаких извращений, ничего вообще... такого. Ну как пишут или в кино даже показывают – ну там на полу или в ванной, или чтоб связывать или еще как-то эдак. Только в кровати, при выключенном свете, при задернутых шторах. Ляжет сверху, две минуты – и готово. Даже не запыхается.

«Этот Кашеев – тот еще персонаж», – бормотала Арина, размашисто шагая от кафешки, где угощала Леру пирожными и горячим шоколадом, к автобусной остановке. Вот только, осадилась она сама себя, быть «тем еще персонажем» – не преступление. Ну взгляд у него тяжелый, а характер – и того хуже. И что? Почему Соня от супруга погуливала – в любом смысле этого

слова – теперь понятно. От такого, пожалуй, загуляешь. Вот только тщательнее выбирать надо было – с кем «загуливать». Глядишь, и мальчик бы сейчас был жив.

Но зачем Кашеев к ней после съемок подошел? И зачем дожидался ее у следственного комитета?

И в дом пустил. Почему? Зачем? Чтобы поглядеть своим тяжелым взглядом?

* * *

Мать Кашеева оказалась высокой сухопарой особой неопределенного возраста – желтоватая кожа туго обтягивала скулы и подбородок, вокруг плотно сжатых тонких губ ни одной морщинки – не то ей сорок, не то семьдесят, не то все сто пятьдесят, не поймешь. Правда, раз сыну ее за сорок, значит, матери уж точно в районе семидесяти. Но как сохранилась! Сохранилась, да. Сохранность мумии. Точно. Вот мумию-то она и напоминала. Хороша семейка: сын – доисторический ящер с ртутно-тяжелым взглядом, мать и вовсе мумия.

– Чего вам надо? – угрюмо буркнула мумия.

– Просто поговорить, – миролюбиво улыбнулась Арина.

– Чего там говорить, вот еще! Из газеты, что ли? – тонкие губы искривила не то презрительная, не то возмущенная гримаса. – Пошла вон!

– Вообще-то я следователь.

– И что теперь? В ножки вам кланяться? – удостоверение не произвело на мумию никакого впечатления. – Соньку, шалаву, упустили, а теперь давай заново разговоры разговаривать? Все, проехали, до свиданья.

Она попыталась закрыть дверь, но Арина уперлась в створку плечом:

– Вам все равно? Это же внук ваш все-таки...

– Да какой он мне внук! – сухое безвозрастное лицо исказилось гневной гримасой. – Сонька, шалава, нагуляла от кого-то, а нам ее отродье кормить и растить? Сдох и ладно, жалко только, что ее вместе с ее хахалем тоже не закатали. Тьфу!

– Зинаида Серафимовна, вы сына в честь своего отца назвали?

На сухом костлявом лице гнев сменился недоумением, почти оторопью. Как если бы женщина, к примеру, рубила дрова, а кряжистое полено вдруг заговорило с ней человеческим голосом – прямо из-под топора.

– Ну. Положено старшего сына в честь деда называть. И по святцам так выходило. Тебе зачем знать?

– Сейчас старые имена в моде, – объяснила Арина, – а сорок лет назад Серафим звучало не совсем обычно. Его в школе не дразнили?

– Да какое твое дело? Чего лезешь? Чего вам еще от нас надо? Чего засуетились?

Почему-то вдруг рассердившись, Арина сухо, сквозь зубы процедила:

– Приговор суда – еще не конец света. По вновь открывшимся обстоятельствам дело могут отправить на доследование.

– Какие еще обстоятельства? Имя, видите ли, ей не понравилось!

– Я просто делаю свою работу.

– Работа! У бабы работа – мужа и детей кормить да обстирывать. А ты ребенка бросила, с чужими мужиками шастаешь, в чужие окна заглядываешь, грязь высматриваешь. Свой дом в чистоте держи! – женщина дернула дверь посильнее, и та с грохотом захлопнулась.

Пожав плечами, Арина отправилась восвояси несолоно, как говорится в русских сказках, хлебавши.

Дверь за спиной скрипнула, приоткрываясь. Неужели старуха смягчилась? Но вместо оклика послышался звук смачного плевок. И сразу следом – «бабах» захлопнутой двери.

Все это было очень странно. Ребенок – это она про Майку, что ли? При чем тут Майка? И вообще, с чего эта Зинаида Серафимовна так расписывалась-то?

Ай, ладно! Можно подумать, это первый в Ариной практике психованный свидетель. И ладно бы свидетель, а то не пойми кто. Из всех Зинаиды Серафимовны реплик только одно и можно было извлечь: Сонька – шалава и ее надо в тюрьму посадить. Интересно, это обычная нелюбовь свекрови к невестке или нечто большее?

Что мы имеем? Свекровь – бабушка! – сомневается в отцовстве, точнее – даже и не сомневается, стопроцентно уверена, что внук ей вовсе не внук. И соседка скептически губы поджимала: может, Витенька-то и «нагулянный» был. Нет дыма без огня? Арина не любила эту поговорку, зная, что для зарождения злых слухов достаточно одного неосторожного слова, а для их разрастания и вовсе ничего не нужно, сплетня – как раковая опухоль: если уж возникла, будет расти до тех пор, пока, ненасытная, не сожрет тех, на ком выросла. И в то же время следовательский опыт подсказывал, что, как правило, дыма без огня действительно не бывает. Даже неосторожные слова не говорят на пустом месте. Ничего случайного вообще не бывает. Случайна ли обмолвка Зинаиды Серафимовны «ребенка бросила»?

– Вам что-то нужно, Арина Марковна?

Она вздрогнула. Оказывается, в размышлениях она не только дошагала до следственного комитета – не так и далеко, минут сорок быстрым шагом, но зачем-то остановилась возле стойки дежурных и сосредоточенно глядит в отделяющее их от коридора с вертушкой стекло. Вот предупредительный Верзилов и окликнул ее.

– Нет, спасибо, задумалась, – Арина улыбнулась, махнула ему и двинулась к себе наверх.

Почему мать Кашеева так взъерилась? Потому что она по жизни мегера или тут что-то еще?

Давя в себе беспрестанно подступающую дрожь, Арина в десятый раз пересматривала фототаблицы с места смерти маленького Вити. Что-то там было не то. Но она никак не могла понять – что.

Впрочем, нет. Наверное, дело было не в фотографиях. Да, точно не в фотографиях. Раньше. Еще в студии. Что-то там мелькнуло – какое-то несоответствие, странность какая-то. И вопрос она тогда хотела задать какой-то очень конкретный. А сейчас – не вспомнить никак.

Отыскав в интернете запись той передачи, Арина уселась смотреть.

Запись, по сравнению с собственными ее воспоминаниями, была изрядно подрезана, но все-таки... да, вот оно!

– Я первым делом печку открыл... и увидел, – горестно хмурясь, рассказывал Кашеев с экрана ноутбука.

Арина пересмотрела этот кусочек раз пять – да, так и было: ведущий спросил «вы сразу стали его искать?», а герой студии ответил этими самыми словами: «первым делом печку открыл».

Слова звучали... странно Ты за ребенка беспокоишься? Боишься, чтоб не простудился – если вдруг на улицу убежал? Понимаешь, что мальчик, вероятнее всего, в доме – «не ушел же раздетый» – и вместо того чтобы кинуться обшаривать другие комнаты, кухню, чердак, в конце концов, вместо этого ты сразу заглядываешь в печку? Которая, кстати, повернута дверцей к дивану, а не к двери. Твой любимый сынишка так любил прятаться в печке? Бред какой-то.

Да и остальной кашеевский рассказ выглядел... сомнительно. То он в прошедшем времени излагает – «подумал», «разозлился», «открыл», то вдруг в настоящее перескакивает – «гляжу», «бью», «вжик – и вылетаю оттуда». Очень странно. Как будто человек придумал себе историю, представил – иду, захожу, вижу и так далее – и теперь из него обрывки этого затверженного сами собой выскакивают. Будь это на допросе, Арина моментально бы ушки на макушке наострила – явно крутит подозреваемый, надо дожимать.

Вот только господин Кашеев – потерпевший, а не подозреваемый. Ну да, впечатление производит странное. Очень странное. Но впечатление к делу не пришьешь.

* * *

Днем в парке всю галделю окрестная детвора, над полудюжиной горок звенел веселый визг, взмывали к вершинам восторженные вопли, тревожные женские голоса восклицали: «Осторожно, не упади!», всюду празднично пестрели яркие санки, «тарелки», «ватрушки» и сноуборды. Летом-то жизнь здесь продолжала бить ключом чуть не круглосуточно, немного затихая лишь перед рассветом. Но зимой уже к раннему вечеру парк пустел и затихал. Разве что влюбленные пары попадались. Чаще пожилые, иногда – молодые родители с колясками.

Пару раз Арину обогнал конный патруль – она залюбовалась и даже немного позавидовала. Может, купить себе опять мотоцикл – она ведь его только из-за Виталика продала, до сих пор иногда снится. Или в какую-нибудь конную школу записаться? Ездить по парковым дорожкам, как эти патрульные девочки – возвышаясь над всеми. Вроде как в той самой башне из слоновой кости.

Арина особенно любила парк именно таким, тихим, пустынным – как будто он принадлежал ей одной. Здесь хорошо думалось.

Но сейчас мысли отказывались выстраиваться в аккуратные цепочки – путались, рвались, металась. Точно мешал им кто. Как мешает капающий крана или плач ребенка за стеной – вроде и не громко, едва слышно, но отключиться от навязчивого звука невозможно. Не обязательно, впрочем, от звука. Так мешает пристальный взгляд, так раздражает непрошенное прикосновение в набитом автобусе. Хотя откуда бы тут взяться пристальному взгляду?

Ох, Вершина, у тебя, похоже, опять мания преследования разыгралась, мысленно усмеялась она, выживая из недр рюкзака складную расческу с зеркальцем на «спинке».

Чуть замедлив шаг, обозрела пространство за спиной. В маленьком стеклышке помещались совсем уж крошечные кусочки пейзажа, но все-таки... Заснеженные деревья справа и слева, белая аллея меж них, фонари, нависшие диковинными оранжевыми плодами... И посреди сумрачной белизны – какая-то темная фигура. Мужская.

Да, безусловно, кто-то шел следом. Собственно, ничего странного в том не было: парк, гуляет человек – так же, как сама Арина. Она прибавила шаг – фигура тоже ускорила. Даже приближаться начала. Значит, мужик просто идет – сам по себе, безотносительно к присутствию в пейзаже Арины. Вон как тот конный патруль. Она сунула расческу-зеркальце в карман и нахмурилась. В следовавшей сзади фигуре улавливалось что-то знакомое. Но... если это кто-то, кого она знает, почему не окликнул?

Преследователь еще не приблизился на расстояние узнавания, но она уже поняла – он. Не по силуэту поняла, не по каким-то приметам – по этому самому взгляду. Вот что ей думать мешало! Точнее – кто.

Кашеев.

Почему-то стало страшно. Что он тут делает? И главное – что ей-то самой делать? Бежать? Он выше нее на полторы головы, и ноги как ходули – мигом догонит.

Приостановившись, она чуть отступила в сторону, надеясь, что Кашеев просто пройдет мимо, но все-таки нащупывая в кармане газовый баллончик. Следователям полагались пистолеты, но Арина предпочитала держать свой в рабочем сейфе. Когда оружие в кармане, кажешься себе чуть не всемогущим, практически неуязвимым – это им еще в универе кто-то из преподавателей объяснял, усмехаясь и растолковывая, что ощущения эти, при всей своей приятности, весьма опасны. Мальчишки-однорупники, конечно, пропускали подобные объяснения мимо ушей, но Арина как-то сразу почувствовала в них истину и приняла как руководство к действию: оружие полезно лишь для того, кто применяет его постоянно, умело и при-

вычно – а лично для нее разумнее ограничиваться чем-то попроще. Ей и баллончиком-то орудовать страшновато – а вдруг не получится? А вдруг нападающий или, как сейчас, преследователь не потеряет способность двигаться, а только еще больше разозлится?

Ой, нет, пусть он лучше мимо пройдет!

Не прошел.

Остановился над застывшей столбом Ариной – почти вплотную.

Не напал. Просто стоял и молчал, глядя на нее сверху вниз – с высоты своего роста.

Зачем? Что ему надо? Пусть бы лучше гадость какую-нибудь сказал – как тогда, после съемки. Пусть бы даже кинулся, ударить попытался – тогда она точно сумела бы и баллончик вытащить, и пустить из него мерзкую едкую струю – прямо в лицо нападающему.

Но он не нападал.

Просто стоял и смотрел.

Под этим тяжелым взглядом Арина съеживалась, словно уменьшаясь, становясь крошечной и никому не нужной. Как будто козявка какая-то, которую даже тап-ком прихлопнуть лень, разве что веником смахнуть – в помойное ведро.

Она попыталась сделать вид, что ничего вообще не происходит. Повела слегка плечом – почему-то это оказалось очень трудно, как сквозь резину проталкиваться, – поставила ногу на торчавший из сугроба здоровенный пенёк. А что я? А я ничего! Никого не трогаю, починаю примус! В смысле – поправляю ослабший шнурок. Ага, на ощупь. Отвести глаза от Кашеева оказалось совершенно невозможно. И фонари как будто потускнели и даже словно бы уменьшились, превратившись в цепочку невнятных искорок. И ноги почему-то стали слабеть. Ей почудилось, что вот сейчас, под этим тяжелым взглядом, они совсем откажутся служить – и она опустится перед этим темным, высоким, безмолвным на колени...

...и пусть...

Но что-то вдруг изменилось.

Откуда-то появился свет. Нет, не откуда-то – из темной глубины заснеженной аллеи надвигался белый, сияющий, прекрасный огонь. Как поезд метро из тоннеля, теплый, светящийся, с милыми прекрасными людьми внутри, подумала вдруг Арина, успев удивиться собственным мыслям – поезд метро посреди зимнего парка, надо же!

Свет приближался стремительно и довольно шумно.

Налетел, надвинулся почти вплотную – и замер.

За слепящим прожектором просматривалось что-то темное, непонятное.

Прожектор вдруг потемнел, потускнел, свет из ослепительного стал мягким и теплым. Темное и непонятное приобрело очертания.

Мотоцикл. Черт побери! Мотоцикл! Что там в импортной литературе пишут про рыцаря в сверкающих доспехах, скачущего спасти плененную злым колдуном принцессу? Вот они теперь какие, рыцари, в двадцать первом-то веке!

– Девушка, вас подвезти? – голос «рыцаря» из темной глубины за поднятым забралом звучал приглушенно. – У меня и шлем запасной есть.

От этого практического замечания Арину разобрал внезапный смех. Ну что такое, в самом-то деле – взрослая дама, а хихикает, как пятиклассница, которой сосед валентинку прислал. И никак не перестать – будто смешинку проглотила. Да не одну, а не меньше пригоршни!

– Погодите, – давась смешинками, едва выговорила Арина. – У меня тут... шнурок... сейчас.

Парень сдернул с головы сверкающе черный, как будто стеклянный, шлем и тоже улыбнулся. В темных глазах сразу заплясали задорные чертики, и он стал похож на мальчишку. Из-под рыжей куртки «пилот» виднелся ворот свитера – крупной вязки, толстого, уютного, даже на вид невероятно мягкого. Вот бы поносить, неожиданно подумала Арина. И опять начала

давиться смешинками – представила, каким привидением будет выглядеть в балахоне размеров на десять больше ее собственного. Парень был не то чтоб таких уж крупных размеров – поменьше Молодцова, пожалуй, прикинула она на глазок – но широкоплечий и... да, высокий. И... симпатичный. Вон как здорово улыбается. Хотя, наверное, в такой ситуации – отважный рыцарь спасает принцессу от злого колдуна-людоеда – любой симпатичным покажется.

Людоед – Кашеев то есть – как-то странно, как деревянная марионетка, дернулся и медленно двинулся прочь. Теперь, наверное, можно было и без помощи неожиданного спасителя обойтись, можно было и собственными ногами до выхода из парка дошагать, но кто ж его, этого Кашеева, разберет. Вдруг подстерегать станет – за каким-нибудь поворотом. Или просто поближе к парковому выходу, где мимо никак не пройдешь. Сделать, может, ничего и не делает – если даже не попытался – но еще раз попасть под этот тяжелый взгляд? Нет уж, увольте, рисковать Арине больше не хотелось.

Уже нахлобучив выданный парнем шлем и усаживаясь на заднее сиденье, она подумала: ай-яй-яй, сущее безобразие – следователь, служитель, можно сказать, закона, поощряет нарушителя правил дорожного движения. По аллеям-то, наверное, нельзя на мотоцикле? Впрочем, пустяки. Полицейским на лошадях можно, а мотоциклист чем хуже? Опасности он никакой не создает – вечером тут пусто. А даже если редкие гуляющие и попадают, все равно. Водит-то парень мастерски – вон как возле них затормозил, прямо на полном скаку и сразу стоп.

Как будто специально тренировался.

Арина мотнула головой, отгоняя непрошенные сомнения. Хватит вздрагивать при слове «специально». Не могут же все быть «засланными казачками». Просто по закону статистического разнообразия не могут.

* * *

Она испугалась.

Думая об этом, он чувствовал, как в подвздошь зарождается ледяной шарик. Крошечный, но тяжелый и как будто бы живой. Шарик пульсировал, бился, распространяя по всему телу холодную волну ясности. Так всегда бывало в самом начале, это был знак, что начало – удачное. Правильное.

Да, она испугалась. Почувствовала силу.

И откуда взялся мотоциклист? Хахаль? Тогда почему она одна гуляла?

Если б не этот мотоциклист, она бы сразу поняла... она уже почти поняла... Сперва в студии, потом у глупой этой следственной конторы, потом – в его собственном доме, где она почти совсем испугалась, но – справилась, опомнилась.

И вот теперь откуда ни возьмись – мотоциклист явился.

Ничего, дурацкая эта помеха ничего не значит. И уж конечно, не заставит его остановиться. Ни в коем случае! Зачем останавливаться? Да и не получится, наверное. Сейчас, когда он уже так долго о ней думал, так ясно себе представлял, как все будет – как можно остановиться? Он уже не мог выкинуть эту заносчивую девчонку из головы. Чистая, ученая, с неприлично прямым взглядом, в котором явственно читалось: я – могу. Дурочка, что ты можешь против настоящего мужчины? урок можно ведь и повторить, так даже еще и лучше. Надежнее. Пусть осознает, запомнит.

А Соньку можно и выгнать. Даже нужно. Он же не мусульманин какой-нибудь, чтоб четырех жен держать. Одна должна быть, главное – чтоб правильная. А Сонька – что Сонька? Она теперь, конечно, головы не поднимает, не то что каждое слово, каждое движение бровей ловит – и тут же кидается исполнять. Скучно. Недоделанная она. Не им не доделанная, а от природы.

Вот эта, в милицейском пиджачке, которая уже совсем из головы не выходит, вот из нее должна получиться по-настоящему правильная жена для уважающего себя хозяина. Разве что

уже успела себя угробить и родить теперь не может. Да это вряд ли, вон какая чистенькая, наверняка о себе заботится, не то что побродяжки эти вокзальные. А уж если и тут не повезло, это быстро выяснится. Но это вряд ли. Он чувствовал, что в этот раз осечки быть не должно. Да, вот эту в дом привести – вот это будет хорошо. Правильно.

Обломать-то любую можно, только – нужно ли? Он всегда быстро понимал, на кого из «кандидаток» не стоит и времени тратить. Отмылась, отъелась, полечилась – и гуляй, не про тебя этот дом. Что толку кормить и воспитывать, если ясно, что «не годится». Некоторые пытались делать вид, что сами готовы уйти – да и пусть их. Баба с возу...

Сонька-то сама не уйдет, конечно. Куда ей деваться? Слабая, глупая, да еще и с ребенком на руках. Ей и в голову такое не придет – самой уйти. Ну ничего, он объяснит. Он это очень хорошо умеет – объяснять. Даже и говорить ничего не нужно, достаточно посмотреть подольше – и готово. Сонька никла под его взглядом, как травинка под ветром. Он бы, может, даже пожалел бы ее. Например, если бы вместо загубленного Витеньки она еще одного сынишку родила. А она, вишь, девчонку выносила. Да так оно и лучше, как подумаешь. Все равно он не смог бы забыть о ее грехе. Да и не старался.

Все, кого он приводил раньше – все это было не то. Он ведь сразу понимал, что – не то, но продолжал попытки. Может, вот эта... или эта... Они, правда, глядели на него как на благодетеля – еще бы! Из помойки-то да в приличный дом! Да отмыл, да еды вдоволь. Да разве в том его благодетельство? Подумаешь – накормил. Эдак проще свинью завести, той ничего больше не надобно. А ведь он-то пытался каждую из этих оборванок научить вести себя по-человечески! Но, видать, из помоечного огрызка ничего достойного вылепить попросту невозможно. И благодарить станет, и руки целовать – как вон Сонька, тьфу ее – но ведь все это просто за миску похлебки, и ничего больше! Не за науку! Не за силы, потраченные на то, чтоб в грязной вонючке душа проснулась! Разве это не благодеяние? Разве это не стоит благодарности? Да только это и стоит.

Когда-то он не то читал, не то слышал греческий миф о том, как скульптор, изваявший статую прекрасной девушки, сам влюбился в свое творение и взмолился к богине, и та милостиво оживила статую. И жил скульптор со своей девушкой долго и счастливо до самой смерти. Скульптора звали Пигмалион, и Кашеев искренне считал его слабым. По легенде выходило, что без помощи богини этот Пигмалион так и помер бы несчастным. А сам-то он, кроме как камень тесать, на что был способен? Ясно, что бывшая статуя вела себя как должно – потому что богиня сотворила именно то, о чем молился скульптор. С живыми девушками у скульптора, видать, дело не вытанцовывалось, вот и пришлось выкручиваться. Подумаешь, красотку из камня вырезал! Нет бы попытаться в живом человеке – который и думать не хочет, что он человек – попробовал бы в таком душу пробудить!

У него, у Серафима Кашеева тоже не все получается. И ошибался сколько раз, и руки готов был опустить. Но ведь все равно старался! Потому что – а как же иначе? Зря, что ли, сказано про «по образу и подобию божию»? А что ошибался, и, бывало, ни сил, ни умения не хватало – так жизнь-то еще не кончилась. Упорства ему не занимать, он будет пытаться, пока не получится.

Одна, правда, почти оправдала его чаяния. Или это ему сейчас так кажется, потому что давно уж? Может, и она за похлебку кланялась? Да нет. Она даже глядела по-другому, все, что он велел, исполняла не просто покорно, а радостно, указаний ждала, как жаждущий – глотка воды. И видела в нем не только того, кто может сытно накормить – учителя видела. Как и должно быть. Он почти опечалился, когда от нее пришлось избавиться. Но как иначе, если не было в ней самого главного женского таланта? Смоква бесплодная.

Самое страшное – если и эта такая же окажется. Но он почему-то был уверен – не окажется. На этот раз у него все получится, как должно. Нельзя эту упустить, нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.